

ВСЁ НЕ БУДЕТ ХОРОШО

ПОЛИНА СИНЁВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полина Синёва
Всё не будет хорошо

«Автор»

2025

Синёва П.

Всё не будет хорошо / П. Синёва — «Автор», 2025

"Те, кого видели танцующими, казались безумными тем, кто не мог слышать музыку". Она - студентка-биолог, балансирующая на грани между реальностью и безумием. Внезапное появление психиатра с неконвенциональными методами меняет всё. В какой момент правда перестаёт освобождать, а чувства начинают уродовать? Психологический роман с элементами мистики и триллера, который заставит вас сомневаться в каждом слове, в каждом взгляде - и даже в себе. Тише, прислушайтесь. Заиграла музыка.

© Синёва П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	14
Глава 3.	21
Глава 4.	24
Глава 5.	26
Глава 6.	30
Глава 7.	35
Глава 8.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Полина Синёва

Всё не будет хорошо

Вдохновением к данному чтиву является слегка психопатическая натура моего горячо любимого близкого человека.

Глава 1.

Действие разворачивается в понедельник, 1 декабря, на территории шаблонного небольшого городка, коими кишат страны постсоветского пространства.

Провожу обгрызенным ногтем по извилистым линиям советского засаленного ковра, висящего над подобием кровати. Каждая ночь и утро начинается одинаково. На меня уставились размытые силуэты человекоподобных существ, которые прячутся в узорах и хитро поглядывают.

Неестественно длинным пальцем пытаюсь проследить их путь. Острые суставы проступают под восковой оболочкой арахнодактилических кистей. Затея не увенчалась успехом, поэтому переворачиваю голову и пару минут наблюдаю в углу моего старого приятеля паука, сидящего на изящно сплетённой паутине с иссохшими трупиками мушек, почти скрывающую трещины на старом потолке. Продолжаю привычный маршрут, перевожу взгляд на мой “угол красоты”. Трельяж – предмет роскоши и гордости в советских квартирах. Темный деревянный комод с трехстворчатым зеркалом, боковые створки которого закрываются, как книжка, позволяют таким образом посмотреть на почти живую себя.

В тон трельяжу, подпирая стену находится сервант, храня в себе не сервиз, отходя от стереотипов, а собрание потрёпанных книг. Медленно поднимаюсь со скрипучей кровати, ставлю стопы на холодный протёртый ковёр. Не такой красивый как на стене, уже попроще. Его не жалко топтать. Стены дышат в такт моей поднимающейся грудины. У изголовья раскладного дивана, именуемого кроватью – маленькое окно с неповоротливым радиатором и широким подоконником. На нём вянут от недостатка света цветы, борющиеся за каждый день своего существования в суровом климате восточной Европы. Серость сопротивляется багрянцу восходящего солнца.

Иногда возникает навязчивое ощущение, что я живу в жалком музее, посвященному жизни во времена советского союза. Тогда я представляю, что я такой же экспонат, как и ковёр на стене. Что за окном проходят заинтересованные посетители и громко что-то говорящие экскурсоводы, тыкая в меня пальцем. На деле окно выходит на соседние хрущёвки, панельки с сотнями таких же жалких квартир и серые асфальтированные дороги.

Убого. Грустно. Угнетающе. Привычно.

За дверью послышались торопливые шаги, вырвав из утреннего вязкого тумана размышлений. Бабушка собирается на работу.

– Мирослава, уже шесть тридцать, а ты ещё не позавтракала! – охрипший от тонны прокуранных сигарет без акцизы голос Надежды донёсся из кухни.

– Иду.

Медленно, чтобы не закружилась голова, отрываюсь от жёсткого матраса с царапающимися пружинами и направляюсь в ванную.

Уставший взгляд из-под полуопущенных ресниц встречает меня в зеркале. Точная копия папиных зелёных глаз смотрят на меня. Единственное, что осталось от него, если не считать машины во дворе и парочки противоречивых воспоминаний.

Сглатываю, пытаюсь притупить сухость во рту. Очередное прекрасное побочное действие кучи лекарств, которых я принимаю. Покусанные губы, бледная кожа, спутанные русые после сна волосы до пояса – наследство от мамы.

Следуя за мышечной памятью выработанной за года, рука залезла в верхнюю шухлядку: 4 мг нейролептика респеридон и 0,25 мг транквилизатора феназепам – главный подарок матушки. Вот он – завтрак и залог хорошего дня человека с загадным, окутанным тайнами и мифами, полиморфным психическим расстройством, то бишь шизофренией. В данный момент в ремиссии. Более менее.

Залог хорошего дня довольно грубо сказано, ведь вкладываем с побочными эффектами можно накрыться. Среди моих любимых побочек: риск развития рака молочной железы, сахарного диабета II типа, опухоль гипофиза, снижение полового влечения, нарушение половой функции, аменорея, галакторея, гинекомастия, бесплодие... и этот список можно продолжать ещё очень долго.

С этими “радостными” мыслями я профессионально проглотила таблетки, откинув голову, и продолжила необходимые гигиенические процедуры. Сквозь шум воды донеслись короткое «пока» и хлопок входной двери. Бабушка ушла.

С полотенцем на голове я толкнула со скрипом полупрозрачную дверь в кухню, и обонятельные рецепторы сразу же уловили запах фруктов и лимона. Овсянка на воде с яблоками и зеленый чай. Бабушка заботливо приготовила завтрак, как будто я несамостоятельная ученица начальных классов, а не студентка третьего курса. Если притвориться Зигмундом Фрейдом, то можно предположить, что это замещение. Или может быть компенсация? В любом случае, в основе лежит бессознательное стремление избавиться от чувства бессилия через действия, которые приносят пользу. Бабушка не может вылечить мою болезнь или вернуть моих родителей, но может приготовить завтрак.

Как можно заметить, у меня есть склонность всё анализировать и драматизировать.

Поверьте, если бы Вы выросли с моей матерью, уважаемый читатель, Вы бы тоже так делали.

Погружая очередную ложку в рот, перевожу взгляд с тарелки на окно. Третий десяток лет, а точнее двадцать три года, наблюдаю тот же пейзаж. Гудящий нескончаемый поток машин, дырявый асфальт, рваные края луж, грязь вперемежку со снегом, тёмные силуэты спешащих людей, потупленные головы, почерневшие, как будто обугленные, стволы кривых деревьев, серые панельки и хрущёвки.

Убого. Грустно. Угнетающе. Привычно.

Боязливо закрываю дверцы подвешенного шкафчика, пока прячущиеся между помытой посудой тени, приобретая извращённые антропоморфические формы, не начали тянуться ко мне.

Собираю портфель, надеваю громоздкое пальто, беру пакетик кошачьего корма и, насыпав его в миску перед подъездной дверью, плетусь в университет. Моя утренняя рутина закончена.

Говорят, что чёткий распорядок дня даёт чувство спокойствия и защищённости. А для людей с неустойчивой психикой помогает сориентироваться во времени и пространстве, что улучшает адаптацию в обществе и качество жизни. Лично для меня рутина ощущается как медленное утопление, но которое я контролирую, оттого оно не кажется столь хаотичным и ужасающим.

От холода щипет глаза, ладони тянутся в карманы. Бросив беглый взгляд на рядом стоящий уже не первый десяток автомобиль марки BMW, я шагаю по привычному маршруту. Протиснуться между машинами, обойти обрамлённую тонкой ржавой сеткой дыру, где строители ковыряются с самого утра, потом пройти три сотни метров вдоль нескончаемой девятиэтажки.

И вот я жду троллейбус номер восемнадцать вместе с двадцатью такими же грустно-сонными пассажирами. Время – семь двадцать, а это значит, что осталось чуть меньше семи часов солнечного дня. Ещё двенадцать остановок в тесном транспорте и я в университете; ещё четыре пары, шесть с половиной часов и наступит самое интересное событие за последние пару месяцев – приём у нового психиатра.

Моя врач, которая меня в принципе устраивала, внезапно закрыла свою практику и передала своих пациентов в руки к, по её словам, невероятно талантливому врачу, Даниилу Александровичу. Надеюсь, он окажется с адекватным современным подходом. Так не хочется искать нового врача, в нашем городе их не так много и времени особо нет.

А вдруг ему будет восемьдесят лет? Или он мысленно находится в совке, и всё лечение у него сводится к электросудорожной и инсулинокоматозной терапии? Мысль прерывает грохот подъезжающего рогатого троллейбуса.

Первая пара – Аналитическая химия, потом Молекулярная Генетика, за ней следует Паразитология, напоследок – Физхимия. Полезность или бесполезность высшего образования в современном мире занимательный неоднозначный вопрос. Пока что я на пути «бравых умов», чтобы, во-первых, ближе изучить любопытную, одну из обширнейших отраслей естествознания, богиню-науку, то есть химию. А во-вторых, порадовать бабушку, и в-третьих, занять время.

Говоря искренне, я с детства хотела стать алхимиком, сотворить эликсир бессмертия и найти философский камень. Но пока что решаю прикладные задачи.

Как всегда села на последний ряд – мне нравится видеть всех со спины, не видеть тающих лиц и знать, что сзади никто не может смотреть на меня. Контроль помогает чувствовать себя более защищённым. Без контроля будущее может казаться хаотичным или угрожающим. Когда человек понимает, что может управлять ситуацией, это снижает уровень тревожности и создает ощущение предсказуемости в жизни. Что, опять же, идёт на пользу всем, особенно душевнобольным, хотя сейчас нас уже называют страдающими психическими заболеваниями.

День проносится мимо меня, через бетонную стену внутренних размышлений и вымышленных сценариев едва пробивается бессвязный набор слов преподавателей. Время от времени картинка становится двумерной. Переходное ощущение пластилинового тела и игрового экрана от первого лица, а также постепенное ухудшение восприятия периодически возникает и затрудняет существование. Иногда это длится пару часов или дней, а потом «ремиссия» может затянуться на несколько месяцев. Спорадически я могла застрять в пластилиновом мире на несколько недель, а то и дольше.

В такие периоды всё сложнее становилось вспоминать то, что казалось, уже должно быть выбито на стенах моей памяти за три года университета, четыре испытывающих сессий и нескончаемое количество нервных срывов. Воспринимать новую информацию оборачивалось невыносимо сложным занятием. Извлекать информацию ощущалось так, как будто кто-то выжимает мозг, затем снова мочит, протирает вековую пыль с полок и только потом возвращается на место. Предполагаю, что в этот раз двумерный мир долго не захочет отпускать меня.

И поэтому после занятий я сворачиваю с привычного маршрута и направляюсь по новому адресу, где, как я надеюсь, пройдёт короткая, уточняющая беседа и новый медикаментозный план. Говорить... Не моё это, если уж честно. Анализировать окружающее и окружающих наедине с собой превратилось в приятную привычку, но вот делиться размышлениями – вот, что уж мне поперёк горла.

Ритмичный скрип снега заполняет сознание, погружая в транс, и я предаюсь хаотичным размышлениям, пытаясь отвлечься от ощущения пластилинового фильтра.

Самое счастливое время в жизни каждого – это первые пару лет, когда человекоподобное создание ползает, ест, спит и издаёт доисторические звуки. Это период чистого бытия, когда мир принимается без оценок, сравнений и слов. Взгляд ребёнка еще не разделяет "хорошее" и "плохое", не знает, что такое нормы или ожидания.

Слово – орудие разума, но и его ловушка.

Как только появляются названия-ярлыки-ценники, вещи перестают быть собой, а становятся только своим обозначением: дерево становится лишь "стволом", теряя свою историю и безграничный смысл; небо становится "синевой", забывая о бесконечности. Дитя просто чувствует, видит и существует в гармонии с настоящим моментом, не пытается запихнуть непонимаемое в словесные рамки. Безоценочное восприятие во всей красе. А с первыми попытками агукания мир неумолимо сморщивается, теряя свою полноту.

По-моему, это как раз-таки то, к чему стремятся буддисты, сидя неподвижно бесчисленное количество часов, приложив кончик языка к небу и фокусируясь ни на чём. Нирвана, Ниббана – освобождение от беспокойств.

Было бы настолько легче ни думать ни о чём.

Под непрекращающийся монотонный писк мыслей я дошла до пункта назначения.

Замерзшей рукой стучусь в массивную, кремово-белую, деревянную дверь, типичную для старых отелей. С виду совершенно обычная дверь, но резко она показалась знакомой. Какое-то далёкое размытое воспоминание — я начала копаться в памяти, всё ещё держа сжатый кулак в подвешенном состоянии.

В Китае двери считаются барьером, который препятствует проникновению в наш мир потусторонних существ. Хм, не то. У славян на воротах и входных дверях, ведущих в дом, всегда имелась подкова, выкованная из железа в очистительном пламени, которая служила надежным талисманом от злых духов.

Почему в голову лезут отрывки из когда-то прочитанных статей? Перебираю ассоциации дальше. Всё не то, что же она мне напоминает, какой-то музей, может быть фильм.. Фильм, точно!

– Сияние! – торжествуя воскликнула я ровно в том момент, когда распахнулась дверь, и озадаченное лицо незнакомца показалось в проёме.

Первое, что бросается в глаза и запускает цепочку поэтического созерцания, словно незнакомец – полотно, а не человек, является его нос.

На гордой греческой переносице, словно высеченной из мрамора, покоятся приспущенные тонкие очки со стальной оправой. Выразительные нахмуренные брови красиво обрамляют пронзительные, глубоко посаженные глаза цвета ледяного покрова первозданного озера. Тонкие морщинки, расходящиеся от уголков глаз, указывают на зрелый возраст, силу и мудрость. Светло-русовая прядь выбилась из прически и нависает над высоким лбом. Гладко-выбритую широкую челюсть украшает чувственный рот, лёгкий шрам на подбородке подчёркивает мужественность. Аккуратно выглаженная льняная рубашка выделяет крепкие плечи; закатанные на три четверти рукава открывают вид на искусные точёные пальцы музыканта. Свободного края тёмные брюки акцентировали длинные ноги и тонкую талию. От него пахнет книгами, кофе и пылью.

Не дыша, я вбирала его образ в себя, пытаюсь разглядеть каждую мелочь.

Если бы тонны лекарств, которые я ежедневно принимаю, не уничтожили бы хоть какие-то зачатки либидо, у меня бы появилось желание жадно поцеловать незнакомца или хотя бы прикоснуться, но я просто восхищённо рассматриваю его выточенное лицо, слово передо мной портрет госпожи Лизы дель Джонондо.

– Сияние? – растеряно то ли утвердил, то ли спросил незнакомец, нарушив приятный процесс лицезрения.

– Топор, – недовольно выдавила из себя я, разочарованная прерыванием созерцания.

Если бы в мире была справедливость, его голос был бы обычным, самым что ни на есть обыкновенным, но и голос был удивительно прекрасен. Что я там раньше рассуждала про ограничивающую натуру языка? Плевать на чистое бытие, плевать на ловушку разума. Пусть этот человек говорит что угодно и как можно дольше.

– Топор? – озадачено, но с лёгкой усмешкой повторил сошедший со страниц романов герой женских грёз.

Легко поднятый уголок губ полностью сбил меня с мысли – картина ожила, неподвижная скульптура превратилась в человека.

С маленьким огорчением я отвела взгляд от его холодных глаз, посмотрев на его ботинки. Было легче и приятнее воспринимать его как статую, а не как живого, дышащего мужчину.

Боже, даже ботинки были чистыми и отполированными. Всё было до малейшей детали продуманно и идеально.

Глубоко вздохнув я попыталась объяснить сложившуюся ситуацию, наконец опустила кулак, и всё ещё ошеломлённая, смогла лишь протараторить:

– Прошу прощения, я наверное перепутала помещения, а дверь показалась знакомой, и я не могла понять откуда, но уже догадалась, она напомнила дверь из фильма Стэна Кубрика «Сияние», а если быть точным, то из легендарной сцены, где Джек прорубает топором дверь, просовывается внутрь и кричит «Here is Johnny»! – неумело я попыталась повторить интонацию. Очень, очень неумело.

Волна стыда пронеслась по всему телу и остановилась на теперь уже красных ушах. Намного больше мне нравилось разглядывать, а не говорить с ним.

Сколько раз я произнесла слово дверь? Что я делаю вообще?

– В общем, извините, пожалуйста, что отвлекаю, я перепутала адрес, а это я уже сказала, так что хорошо Вам дня, до свидания! – неуклюже я начала разворачиваться, но тёплая большая рука обернулась вокруг моего предплечья, остановив в полуразвороте.

– Дверь действительно напоминает ту из «Сияния». Теперь когда я думаю об этом, да, те же симметрично расположенные четыре панели, цвет, форма. Позвольте спросить, кого вы искали?

– К-кабинет номер шесть, – еле восстановив эту информацию в памяти, заикаясь, ответила я.

Перестань отвечать односложными предложениями! Он спросил кого или что? Соберись, соберись!

Закончив самобичевание, я перевела внимание на свои застывшие конечности.

Тепло от его руки распространилось, согревая тонкую кожу.

– Это и есть кабинет номер шесть. Я Даниил Александрович, а вы, должно быть, Мирослава Андреевна? Приятно познакомиться. Заходите, располагайтесь, – улыбнувшись, он убрал ладонь с моего предплечья и протянув её мне в попытке обменяться рукопожатием.

Утвердительно кивнув головой, я неуверенно протянула свою влажную холодную лапу в ответ, всё ещё ошеломлённая. Его ладонь оказалась твёрдой, шершавой, на длинных пальцах я заметила немного чернил. Честно, это было самое приятное взаимодействие с мужчиной за все мои двадцать три года, особенно если проигнорировать моё патологическое неумение общаться.

Какая точёная ладошка...

Начать испытывать чувства к своему же врачу, хоть и абсолютно платонические, к тому же психиатру, какое дешёвое клише. Подчеркну, чувства не в романтическом плане, а в значении спектра ощущений. Так что чувства неверно сказано, скорее то, что испытываешь, когда смотришь на мраморного Давида Микеланджело. Восхищение, очарование, замороженность, экзальтация. К моему удовольствию, Вселенная решила нарушить мою рутину таким приятным способом.

– Вы психиатр и располагаетесь в кабинете номер шесть? Иван Дмитрич Громов, Моисейка и паралитик уже на месте? – наши руки разомкнулись.

Даниил Александрович усмехнулся и отрицательно покачал головой:

– Как добрались? Не слишком далеко?

– В маленьком городе по определению ничего не может находится далеко, – прозвучало как-то пессимистично, поэтому после небольшой паузы я решила исправиться. – Да, спасибо, довольно близко.

– Вы всё ещё работаете в лаборатории? Не тяжело совмещать с учёбой на биохимическом факультете?

И вот так легко правда напомнила о себе, вырвал из романтических поэтических грёз.

Он читал мою историю болезни, заметки предыдущих врачей, он знал, где я учусь, сколько раз и как долго я лежала в психиатрических больницах, какие и как много таблеток я принимаю, какие побочные эффекты они у меня вызывают, какие у меня страхи и расстройства. Было неплохо хотя бы пару минут витать в облаках, представить, что мы абсолютные незнакомцы. Возвращаемся к реальности.

– Вижу, вы сделали домашнее задание и много обо мне знаете, – тихо пробурчала я, проскользнув в аккуратный кабинет и осматривая его.

Из единственного окна на противоположной стене мягко лился свет исходящий от уличного фонаря. Напротив настольная лампа мягко освещала крепкий письменный стол с бережно сложенными записями и глубокое кожаное кресло. Расположенные друг напротив друга, перед столом находились два мягких фотеля, сбоку —столик с водой и салфетками. Медицинские публикации с толстыми переплётками, анатомические атласы, учебники, специализированные руководства тяжело стояли, корешок к корешку, на полках книжного шкафа, подпирая стену за столом. Мне кажется, или они расставлены в алфавитном порядке? Кабинет был не слишком маленький и не слишком большим, не вызывал чувство пустоты, отчуждения и небезопасности. Вообще ничего.

– Многое, но далеко не всё. Вряд ли личность может описать парочка заметок и медицинская карта, не находите? – Даниил Александрович спросил глубоким голосом, затем помог мне снять пальто и повесил его на стойку в углу. От близкого контакта моя кожа покрылась мурашками.

– Зависит от личности, наверное, – пожал плечами ответила я, уставившись на лицо моего врача. Захотелось заправить выбившийся локон с его совершенного лба.

– Присаживайтесь, – Даниил Александрович указал на кресло по правой стороне.

Взяв со стола блокнот и ручку, врач расположился на соседнем кресле, облокотившись на подлокотник и подперев левой рукой подбородок. Я заметила писательскую мозоль на среднем пальце.

Проницательный взгляд оказался на мне, а блокнот на его бедре. Я всё ещё стояла у двери в ступоре, наблюдая за его передвижениями. Бессовестно хорош.

Очнувшись, я неуклюже заняла указанное место.

– Мирослава Андреевна или можно Мирослава? – в ответ на вопрос я рефлексивно я наморщила лоб.

– Просто Мирослава, пожалуйста.

– Хорошо, просто Мирослава, как я уже говорил, меня зовут Даниил Александрович. Я врач-психиатр с двенадцатилетним опытом работы, психотерапевт, кандидат медицинских наук... – ровным, спокойным, глубоким голосом он представился.

Допустим, он поступил в университет в восемнадцать лет, шесть лет медицинского, ординатура по психиатрии длится два года, так же двенадцать лет опыта, а если предположить, что он учился и работал без перерывов, то ему 38 лет. Если приглядеться, то можно увидеть несколько седых волосков по бокам. А так и не скажешь, хотя в глазах виден жизненный опыт и, возможно, усталость?..

– ... предыдущих врачей ознакомился, однако я бы предпочёл начать с самого начала, чтобы ничего не пропустить. Не в моих правилах полагаться на кого-то или что-то, я довольно тщательный человек. Мирослава, вы не против?

Чёрт, я пропустила половину того, что он рассказал; была занята разглядыванием его плечелучевой мышцы и высчитыванием его возраста.

– Ам, нет, не против, – с лёгкой задержкой я ответила.

Не против чего именно?

– Отлично, спасибо, я понимаю, для вас это может быть неприятным, — *ну и на что я согласилась?* – начнём же с самого начала. Раннее детство, какая была атмосфера в доме, какие первые воспоминания?

О Боже, нет, нет, нет, нет, нет.

И тут мои мечты про быстрый, лёгкий приём разбились вдребезги. Я надеялась немного скорректировать приём лекарств, а не погружаться в прошлое и заниматься самокопанием. Анализировать других интересно, себя – нет.

– Хотя знаете, если задуматься, я бы не хотела вспоминать, мне кажется в карте вы найдёте ключевые моменты моей биографии, Даниил Александрович.

Последовало короткое молчание. Его взгляд проникал в меня, не отрываясь и не давая отвести глаза, словно в попытке разгадать.

Удачи.

Он наклонился чуть ближе ко мне, вторгаясь в моё личное пространство и спросил:

– Почему? В истории написано, что вы никогда не наблюдались у психоаналитика. Многоуважаемый Карл Густав Юнг определял психоз как массивное вторжение коллективного бессознательного в индивидуальный психический мир больного. Некоторые считают, что психоанализ играет огромную роль в лечении шизофрении.

– Юнг, несомненно, выдающийся психиатр, однако он умер около пятидесяти лет назад и в данный момент главенствует, насколько я знаю, дизонтогенетическая теория, согласно которой, из-за наследственной предрасположенности и стрессов нарушаются связи между нейронами, из-за чего часть нервных клеток отмирает и истончается серое вещество. Разговоры тут особо не помогут, – его бровь немного поднялась вверх, – я тоже старательно выполняю домашние задания.

– Я не отрицаю эту теорию и не утверждаю, что вам следует отказаться от таблеток, а предлагаю попробовать психоанализ как дополнение к медикаментозной терапии. Поработаем над травмами и внутренними конфликтами, которые у вас явно присутствуют, исходя из написанного в истории болезни. Психоанализ исследует бессознательное, чтобы понять его влияние на мысли, эмоции, поступки и найти решение многих проблем на уровне психики, и на уровне соматики, – утвердил Даниил Александрович, не отводя пронзительного взгляда от моих глаз. Ноты уверенности и заботы в его голосе окутывали, даря ощущение, что он способен решить любую проблему.

После небольшой паузы он добавил:

– Стабилизируем эмоциональное состояние, укрепим навыки саморегуляции —это снизит риски психоза, – снова молчание с моей стороны. – В любой момент мы можем прекратить. Попробуем?

– А вы сами ходили к психотерапевту-аналитику? – я прищурилась и сложила руки на груди.

– А вы думаете, мне следует?

Я критично проскользнула взглядом по тщательно убранному, стерильному кабинету, без единой лишней детали. Перевела на его силуэт, безукоризненно ровную осанку. Зацепилась за его выглаженную одежду, отполированную обувь:

– Не помешало бы.

Врач засмеялся, обнажая ряд ровных белоснежных зубов и ямочку на щеке.

– Спешу вас уверить, это обязательная часть подготовки. Без этого лицензию нам не выдают.

Я только промычала в ответ, не разрывая зрительного контакта.

– Почему вы не хотите попробовать?

– Слушайте, у вас есть упитанная придетальная папочка с моими мемуарами. Этого действительно недостаточно?

– В вашем случае, боюсь, нет.

– Ох, то есть я особенная? Вы готовы тратить часы своей жизни, чтобы разложить меня по полочкам и починить? Я не безнадежный случай? Польщена, Даниил Александрович, – приложив руку к груди с преувеличенной грацией, я склонила голову на бок.

– Не могу запретить вам думать о моей скромной персоне так доблестно, но позвольте спросить, что вас заставило считать, что вы в патовом положении?

– Здравый смысл, – я посмотрела на него как на ребёнка-несмышлёныша, который спрашивает, почему трава зелёная.

Даниил, не теряя улыбки, долго записывал что-то в блокнот. Я безуспешно попыталась прочесть движения ручки.

– Что вы там написали? – я встревожилась-поинтересовалась, на что врач лишь посмотрел на меня сквозь ресницы, не отрываясь от блокнота.

– Зачем вы пришли ко мне сегодня, Мирослава? – игнорируя мой вопрос, спросил врач.

– Мне нужен новый медикаментозный план.

– И сколько препаратов вы уже перепробовали?

– Несколько, – не отдавая себе отчёта, я начала тереть волосы.

– И тем не менее, вы пришли ко мне на приём, чтобы вам стало лучше, правильно? По моему, это говорит о том, что вы считаете, что ваше состояние может, – небольшая пауза, пока он ищет правильное слово, – усовершенствоваться. Давайте так: вы мне расскажете, что считаете нужным, а я покажу, что записал. Договорились?

– Стоило догадаться, что вы к работе относитесь также педантично, как своей накрахмаленной рубашке.

Ни одна эмоция не исказила его выточенное лицо, только маленькая ухмылка забралась в уголок губ, напоминая, что Даниил Александрович не статуя.

Я фыркнула, а психотерапевт постучал пальцами по обложке уже закрытого блокнота.

– Ладно, – еле слышно выдохнула я. Это может быть интересно, в конце концов.

Очень сложно возразить, когда собеседник ослепляет внезапным изяществом.

– Спасибо. И так, какие же ваши первые воспоминания? – врач вернулся в предыдущее положение, облокотившись об спинку фотеля, всё также крепко сохраняя зрительный контакт.

Я поёжилась от потери тепла его тела и от осознания, что придётся думать о том, что я замуровала столько лет назад и каждый день прилагаю невероятные усилия, чтобы игнорировать.

Глава 2.

20 лет назад.

Новый Год. В скромной советской комнатке собралась почти идеальная семья: тридцативосьмилетняя бабушка Надежда Ивановна, её двадцатилетняя дочка Анастасия, двадцатипятилетний, с мазутом на пальцах зять Андрей и ещё ничего не понимающая трёхлетняя внучка Мирослава.

По маленькому телевизору идёт Новогоднее шоу, возле него стоит живая ёлочка украшенная дешевыми, немного жуткими игрушками и мишурой; на складном столе-книжке стынет картошка; оливье и крабовый салат возглавляют пиршество, а сырная нарезка, шампанское и водка располагаются вокруг. Бабушка сидит за столом и неподвижно смотрит телевизор. Мирослава ползает по полу, забирается под столом и наблюдает, как полосатая серо-чёрная кошка увлечённо играет с фантиком как с настоящей добычей. Она толкает обёртку лапой, чтобы та покатилась, зашуршала, затем бросается за ней, и так по кругу. Мирослава хохочет и не замечает, что родители ругаются.

Она внимательно смотрит за игрой кота, когда над ней раздаётся грохот — в порыве свирепого бессилия и накопленной обиды, миловидная Анастасия с перекошенным от гнева лицом и пустым взглядом, одним отчаянным движением смахивает всё со стола.

Звон разбитого стекла смешивается с радостным отсчётом и боем курантом. Праздничная посуда разбивается на мелкие осколки, консервированный горох в майонезе с колбасой и остатки оливье прилипли к телевизору, полу, окну и ковру висящему на стене. Лужа шампанского растекается и доходит до колготок Миры. В окне видны красочные фейерверки сквозь сползающие куски картофельного пюре с комочками. С улицы доносятся торжествующие крики людей.

Анастасия выбегает босиком и без куртки на улицу. За ней спешат Андрей и бабушка Надежда. Дверь остаётся открытой. Даже кошка куда-то сбежала. Мирослава тихонько плачет и зовёт бабушку и родителей, но никого уже нет дома. Она забирается на диван и пытается убрать пережитки Новогоднего стола с её любимого ковра, в который она всматривается каждую ночь перед сном и утром, выискивая причудливые узоры и маленьких людей-монстров.

Со временем Надежда и Андрей всё реже пытались догнать Анастасию. Каждый приступ становился всё более обыкновенным, стал частью семейной рутины, частью того, что они считали нормой. Очень забавно к каким крайностям может привыкнуть человек, какие абсурды жизни со временем превращаются в привычную, уютную повседневность. И вот уже неподвижная, смотрящая в никуда несколько дней подряд мать не кажется ничем страшным. Через несколько лет Мирослава узнает, что это называется кататоническое состояние, мускульная ригидность и ещё очень много медицинских терминов. Она привыкнет к жалостным взглядам и вечным походам в больницу.

Иногда кататонотический ступор сменялся агрессивно-деструктивным приступами без видимым причин. Правда, к такой острой психотической агрессии сложно было привыкнуть. Раз, и хрупкая, бледная, мама ломает деревянный стол, весящий половину её самой. Два, уязвимая, ранимая мамочка кидается с кулаками на бабушку и мужа, обвиняя в том, что они хотят её отравить. Три, и трепетная, беззащитная мама прикладывает к тонким рукам кухонный нож, перерезая срединную вену предплечья.

Теперь-то Мирослава знает, что намного эффективнее повредить наружную ярёмную вену, *vena jugularis externa*, если постараться, то можно и внутреннюю. Тогда может вытечь больше одного литра, что составляет около двадцати пяти процентов общего объема крови за несколько минут, что намного эффективнее, чем перерезание вен на руках.

В маленьком возрасте дети воспринимают жизнь через эмоции и ощущения, а не через логику. Попытка суицида матери ошеломляет, ещё более травмируют не сформировавшуюся психику ребёнка. Ложное чувство вины, непонимание происходящего, фальшивое убеждение, что ты недостойн любви.

Мирослава где-то читала, что попытки и случаи суицида чаще всего происходят в осень и зимний период, особенно ближе к праздничным и значимым датам. Новый Год, Рождество – праздники, когда принято подводить итоги года, проводить время с семьёй и друзьями. Поэтому у многих усиливается депрессия и чувство разочарования из-за нереализованных ожиданий, планов, целей. Особенно, если человек одинок.

Анастасия стала составляющей статистики.

20 декабря, 18 лет назад.

Трепещущие реснички Мирославы покрылись тонкой коркой льда, розовые щёки игриво выглядывают между слоёв туго завязанного шарфа. В зимних сапожках хлопает растаявший снег, в чём она не признается, потому что тогда катание на санках закончится, и придётся идти домой греться. Мокрые варежки давно забыты в карманах, красные обветренные руки поправляют сползшую на глаза шапку и убирают волосы которые стали влажными от пота. Болоньевые флисовые штанишки на подтяжках характерно шуршат при движении. Мирослава скатывается с ледяной горки, вереща, почти врежется в другого визжащего ребёнка, и в конце её ловит любимый папа.

Как ему не холодно?

Без шапки, только джинсы и наполовину расстёгнутая каштановая нагольная куртка из натуральной овчины с меховым воротником – осталась по его отцу, привезённая из Польши. Немного кудрявая прядь иссиня-чёрных, как крыло ворона, волос падает на глубоко посаженные глаза цвета мха. Неизменная сигарета в испачканной мазутом руке дополняла образ него-дяя.

На него всегда смотрели женщины. С того момента в седьмом классе, когда тестостерон запустил необратимый процесс пубертатного периода, когда его голос перестал ломаться, стал более грубым и глубоким, когда на его груди начали появляться первые волосы, когда он начал набирать мышечную массу и за лето резко набрал в росте, теперь возвышаясь на не только над своими одноклассниками, но и над взрослыми мужчинами. Старшеклассницы, студентки, подруги матери, прохожие женщины, медсёстры, продавщицы начали замечать его, бросать горячие взгляды и заигрывать.

Незрелый, маленький мальчик запертый в теле мужчины, тонуший в женском внимании.

К тринадцати годам он был рослым, широкоплечим, с атлетическим телосложением, зеленоглазым, привлекательным парнем. Тогда же он перестал общаться с одноклассниками. Тогда же он начал курить и выпивать с более взрослыми ребятами. Тогда же он лишился девственности, со старшеклассницей, которая была старше его на четыре года. Лицо и имя со временем стёрлось из его памяти. Всё, что он помнил — это грязная парта, растрёпанные косички, ленточка выпускницы и каблучки, которые впивались в его бока.

После неё было очень много разнообразных представительниц женского пола, от девочек-подростков до взрослых женщин, некоторые были старше его матери. С ними было интереснее всего: уверенные, опытные, осознающие свои желания и потребности тела красавицы. В их присутствии не надо было думать, можно было просто отдаться и покориться.

Школа очень быстро стала для него бременем. Зачем туда ходить, если вокруг столько интересного? Столько горячих ртов, столько приключений и тусовок. Он еле закончил девять классов и пошёл в техникум. Единственное, что у него получалось и приносило удовольствие, кроме искусства соблазнения девушек, хотя, по правде, в большинстве случаев они сами вешались на шею, была починка автомобилей. Что, в свою очередь, только играла ему на руку, так как в глазах дам только придавало ему большей мужественности. Очень трудно устоять перед

видом брутального мускулистого парня, сконцентрировано корпящего над очередным плевком на колёсах.

Желание обладать сочилось густым, вязким потоком отовсюду. Женщины слетались как мухи на липкую ленту, притягиваемые его харизмой, холодным глубоким взглядом и ухмылкой. Некоторым удалось во время улететь. Анастасия же стала глупой мушкой, лапки которой приклеились к липкому покрытию ленточки, и чем сильнее она вырывалась, тем глубже и крепче она застревала в этом тягучем веществе.

Девушке было шестнадцать лет, когда её впервые увидел Андрей. Позднее лето, долгожданный вечер пятницы, хотя каждый день праздник в его мире. Он остановился около кинотеатра, чтобы заправить машину. Закончив свои дела и подходя к автомобилю он рефлекторно обернулся, услышав женский смех.

Невинная, тоненькая, светловолосая, с большими, немного покрасневшими, невероятно грустными глазами цвета неба, она выходила из кино с подругой после вечернего сеанса; именно эти глаза и окончательно притянули внимание молодого двадцатидвухлетнего парня. К его годам он вдоволь насытился уверенными и опытными дамами. Ему хотелось покорить, а не быть покорённым.

Ему нужно было почувствовать себя “ведущим” партнёром. Андрею наскучила роль обычного парня, захотелось стать героем в чьих-то глазах, хотелось, чтобы в нём видели умного, амбициозного, ответственного мужчину. Восхищались. Сформированная личность поняла бы, что он ещё таковым не является, а в этих печальных глазах он увидел чистоту, непорочность, наивность и потенциал, которые он искал. Глаза слишком неопытные, чтобы увидеть истинную мотивацию мужчины, слишком уступчивые и мягкие, чтобы постоять за себя и принять правильное решение. Глаза созданные для того, чтобы верить приятной лжи и прощать.

Она шла в лёгком платье до колен, закрывающем руки, тихо разговаривая с приятельницей с танцев, обсуждая и смеясь, видимо, только что увиденный фильм, когда их радостное существование нарушил глубокий мужской голос:

– Куда направляетесь? – Андрей произнёс, становясь перед девушками, со скрещенными на груди руками, специально растягивая слова и расплываясь в улыбке, прекрасно осознавая какое впечатление это оказывает. К тому же такая поза подчёркивала его мышцы.

Анастасия и её подруга Наталья резко остановились, ослеплённые уверенностью и привлекательностью парня перед ними. Они были верными, трудолюбивыми ученицами профессионального колледжа культуры и искусств, в почти полностью женском коллективе. Их это абсолютно устраивало, позволяло сконцентрироваться на учёбе и развитии. Поэтому сейчас они в немом удивлении уставились на не дурного собой представителя мужского пола.

Незнакомец излучал мужественность, игривость, был воплощением соблазна. Он напомнил Анастасии безликую мужскую постань из её снов, после которых она просыпалась с дико колотящимся сердцем и тянущим чувством в животе.

Мир исчезает, появляется чувство лёгкой дрожи, окситоцин и дофамин опьяняют, зрачки расширяются. Говорят, требуется около сорока пяти секунд, чтобы организм запустил специфические биохимические процессы, которые отвечают за ощущение влюблённости. Анастасии понадобилось десять.

Шок перерос во влечение, потом смущение, она опустила глаза и залилась румянцем, не находя слов. Поэтому первая заговорила более уверенная Наталья:

– И вам здравствуйте. Направляемся в сторону дома. Вы что-то хотели? – Андрей неохотно перевёл взгляд с застенчивой девушки на её подругу, на которую раньше он бы определённо обратил большее внимание, чем на её приятельницу-мышку и одарил бы своими лучшими техниками оболъщения. Однако сегодня у него была другая цель, другие качества он искал. И нашёл. В этой нерешительности, в её залитых печалью глазах, которая всё ещё не могла оторвать взгляда от пола.

– В сторону дома? Отлично, мне в ту же сторону. Можно вас подвести? Предлагаю перейти на ты, – игриво ответил парень, поиграв мышцами и кивнув головой в сторону BMW E28, припаркованного рядом.

– Я даже не показала в какой стороне находится дом, – легко посмеиваясь, ответила Наталья.

– Абсолютно уверен, что нам по пути. Меня зовут Андрей, – он протянул руку в сторону девушек.

– Наталья, приятно познакомиться. Мне нравится твоя уверенность, – она пожала его крепкую ладонь.

Он направил свою лапу в сторону другой девушки. Она нашла в себе необходимые силы чтобы улыбнуться, протянуть трясущуюся руку и тихо произнести своё имя. Андрей ласково сжал протянутую кисть, и, под влиянием внутреннего порыва, поцеловал нежную холодную ладонь, глубоко всматриваясь в печальные окна души, не давая ей отвести взгляд.

Мир остановился, пока их пальцы не разомкнулись, и Анастасия сделала шаг назад, прислоня горячую ладонь к своей груди, всё ещё не смея оторвать взор. Никто не обращал на неё внимание. Видимо, слишком блеклая внешность или грустная мордочка отталкивала парней её возраста. И тем более никто не целовал её ладонь так трепетно, разжигая огонь внутри, останавливая сердце только для того, чтобы запустить его ещё быстрее.

– И мне очень приятно познакомиться, – промурлыкал парень, наконец переведя взгляд на Наталью, и решил рискнуть. – Только полвосьмого вечера, так что предлагаю вам поехать со мной на берег реки, там будет проходить встреча моих друзей, как только захотите – сразу же завезу вас домой. Костёр, гитара, природа, более близкое знакомство. Что скажете?

Девушки переглянулись. В глазах Натальи заразительно горела жажда и юношеский бунт. В глазах Анастасии сомнение, но и малюсенький огонёк. Каково это, хоть раз побыть не ответственной, приличной ученицей из маленького города, а пожить для себя, принять импульсивное решение, довериться незнакомцу? Зачем пытаться устоять, когда судьба подсылает к тебе такой соблазн? В конце концов, кто не рискует, тот не пьёт шампанского. А она никогда не пробовала шампанское. И они, озорно улыбнувшись, сели в машину.

Спустя шесть стаканов домашней настойки, пяти песен на гитаре, четыре смешных доколик в животе истории, три нежных прикосновения, два страстных поцелуя, одного порванного презерватива – и через девять месяцев на свет появилась Мирослава.

Анастасия всё также с неподдельным восхищением смотрела на Андрея, а он упивался её неопытностью, её чувствами и контролем над ней. Она никогда так и не закончила школу, не стала балетной дивой. Собственно, стала ни кем.

Он, кажется, даже любил её. По-своему конечно, но любил.

И сейчас матери, которые пришли со своими детьми и даже мужьями, незаметно и с жадностью смотрели на Андрея. Хотя некоторые не скрывались, во всю улыбаясь, пытались выхватить его внимание. Ещё чуть-чуть и начали бы самозабвенно облизывать.

Мирослава была слишком мала, чтобы это заметить. Счастливая невинность, детская непоколебимая уверенность, что родители совершенные, образцовые и всемогущие Боги. И сейчас в глазах малышки отражалась такое всеобъемлющее обожание, такая уверенность и всепрощающая любовь к своему отцу, что невольно защемило сердце.

Она тянется ледяными ручками и обхватывает его шею. Андрей одной рукой поднимает Мирославу, другой санки и улыбается, при этом не выбрасывая сигарету. Мира всеми своими силами пытается как можно крепче обнять папину крепкую и широкую шею.

С папой так весело! Мама и бабушка не разрешают скатываться с такой высокой горки, а с папой можно всё! Жаль, что он так редко дома.

– Пора домой, рыбка.

– Можно ещё раз скатиться? – жалостным, немного охрипшим голосом попросила Мира.

– Мы обещали вернуться к обеду, а ты уже хрипишь. Разве ты не соскучилась по маме? Пойдём.

Правда в том, что Мирославе не хотелось идти домой. На улице было намного веселее. Чистый скрипучий снег, который только вчера выпал. Все дети с округи собрались покататься, кто-то с санками, кто-то на куске линолеума, кто-то на мусорных пакетах, которых не хватало на долго, а кто-то без ничего, просто скатывались с горки. Более взрослая детвора принесли воду и облили часть горки, чтобы улучшить скольжение.

Папа так редко со мной играет. Хочется, чтобы этот день не кончился!

А дома? Дома непонятно.

– Всего лишь ещё один раз! Пожалуйста, папочка! – ещё более жалобно произнесла Мира.

– Ну хорошо, только один. И идём домой.

– Спасибо! Спасибо! – Андрей поставил её и санки на землю.

То, что происходило потом, Мирослава помнит очень чётко. Слишком чётко. Кажется, что это выгравировано где-то не где-то на закоулках самосознания, а прямо на главном входе разума. Через призму этого воспоминания проходит каждое последующее. Дальше если делать вид, что его нет, всё равно чувствуешь тянущее неприятное покалывание у основания черепа. Со временем оно никуда не делось и не денется, сидит всё там же на золотом троне боли.

Дверь тихонько скрипит, ноздри наполняет приятный запах домашней еды. Живот отзывается урчанием после целого дня часов съезжания и подъема на ледяную горку. Тишина, привычный телевизор молчит. Только свистит чайник, извещая, что вода закипела.

– Мы дома! – прокричала в направлении кухни Мира, быстро сняла куртку, шапку и шарфик. В самом конце она попыталась незаметно снять мокрые сапожки, но хлюпающий звук выдал, и отец недовольно покачал головой.

Она забежала в ванну, чтобы помыть отмёрзшие ладошки. Становясь на стульчик-табурет, она откручивает кран. Полилась вода. Кажется, что она почти обжигает. Однако малышка счастлива так, как могут быть только дети. Она последний раз улыбается своему отражению.

Выпал хрустящий белый снег, она провела целый день с папой, а сейчас будут вместе ужинать, что бывает очень редко. Папа всё время в гараже, а мама недавно вернулась из больницы, но бабушка заверила, что теперь всё будет замечательно. На этот раз её точно вылечили, и сейчас всё будет хорошо.

Радостно подпрыгивая Мира бежит на кухню, хочет всё рассказать маме и обнять её. Мира останавливается на пороге, не понимая, почему она её не встречает, поэтому сама осторожно подходит и обнимает со спины за талию:

– Привет, мам!

Однако Анастасия неподвижно сидит на табуретке, лицом к окну, немного сутулясь. Русые длинные волосы спутаны. Чайник всё ещё свистит, и откуда-то доносится капающий звук. К тому же странно пахнет солёным железом. Мира чувствует что-то мокрое через свитер, отводит руки от необычно холодной талии матери и в непонимании смотрит на красные пятна на своих руках. Анастасия всё ещё направляет бездумный взгляд в сторону окна, в никуда. Отсутствующий взгляд типичен, но вот мокрые тёмно-красные пятна не привычны.

– М-мам? Что такое? Пролилось что-то?

Не дождавшись ответа, Мира идёт к отцу, который всё ещё возится с одеждой в прихожей: – Пап, что-то не так с мамой.

В этой семье подобное заявление не кажется чем-то странным или необычным. Поэтому Андрей совершенно спокойно спрашивает дочь:

– В каком смысле? – наконец развесив все вещи, он переводит взгляд на окровавленный свитер Миры. Оцепенев только на мгновение, первобытный страх проникает в его замерзшие глаза. Он отталкивает ребёнка и бежит на кухню.

Девочка пошла за отцом, он уже стоял на коленях в луже бордовой жидкости, хаотично обматывал кухонным полотенцем руки жены и невнятно бормотал. Из-за кипящего чайника можно было разобрать только отрывки: “Зачем?... А Мира?... Не закрывай глаза...”

Мирослава механически закатала свои рукава, встала на носочки, чтобы отмыть ледяные ручки от липкой жидкости, потом последовательно сняла чайник с плиты, выключила газ, пошла в гостиную, которая выполняла функцию спальни родителей и её комнаты, подошла к тумбочке, на которой стоял дисковый телефонный аппарат. Она вспомнила номер, которому её научила бабушка. Маленькие пальцы с усилием вращали номеронабиратель. После каждой цифры слышался металлический щелчок, затем прозвучали гудки, и диспетчер ответила нейтральным голосом: “Скорая помощь, слушаю вас”. На что Мирослава также отрешёно отвечает:

– Маме плохо, она холодная и везде красная вода.

Секундная пауза, после быстро и чётко диспетчер сообщает:

– Всё хорошо, бригада сейчас приедет и поможет, только скажи, пожалуйста адрес, хорошо? Где вы живёте?

– Улица Космонавтов 37, 4 этаж, 19 квартира, код от двери 1974, — всё, как учила бабушка, и подсказал внутренний голос.

– Хорошо, помощь будет через три минуты. Солнышко, скажи, а ты одна?

– С папой. Он заматывает её руки в полотенца.

– Скажи папе, чтобы удерживал давление на ранах, пока помощь едет? Пусть всё время нажимает и не разматывает мамины руки. Всё будет хорошо.

Всё хорошо не было. Мира повесила трубку и всё так же отстранёно, в окровавленном свитере, вернулась на кухню. Папа сидел на мокром полу и прижимал бледную маму с замотанными руками к своей груди, тихонько покачиваясь и беззвучно плача.

Мирослава замерла на пороге, только одна мысль больно вертелась в голове.

А что если бы мы пришли раньше?

Раз за разом повторяя эту фразу, малышка наблюдала, как слёзы отца тихо выбираются из-под нижнего века, скользят вдоль носа, пересекают носогубные морщинки и падают на неподвижное тело такой красивой и молодой мамы.

Через несколько минут в квартиру врываются парамедики в тяжёлой одежде, с набитыми медикаментами сумками и непонятными приборами. В крохотной кухне никогда не было столько людей. Казалось, стены сейчас лопнут.

Темноволосая женщина-медик попросила положить маму на пол, папа это сделал и вышел из переполненной кухни в их спальню, ничего не сказав. В это же время мужчина начал накладывать жгуты поверх кухонных полотенец и крикнул, чтобы девочка ушла, а женщина приложила два пальца к шее матери и поднесла ухо к её носу. Мужчина, затянув жгуты, приложил какие-то массивные железные прямоугольники по двум сторонам голой груди Анастасии, и на экране какого-то аппарата появилась ровная линия. Когда Мира вырастет, она узнает точное название ритма – асистолия.

Девочка не сдвинулась с места, безучастно наблюдая за происходящим, не проявляя ни страха, ни боли, как будто бы не она воспринимала эту реальность.

Так только казалось.

Спустя пару секунд девушка начала давить на грудь Анастасии, выполняя непрямой массаж сердца, а мужчина-медик вколол что-то, посмотрел на часы и засунув какую-то трубку в рот бледной Анастасии, сверху приложил маску с мешочком на лицо и начал нажимать на него. Всё это время женщина усердно нажимала на середину грудной клетки.

Было очень тихо, если не считать ужасного треска – это сломались мамины рёбра. Спустя какое-то время, трудно определить точно, так как у пятилетних детей восприятие времени отличается от восприятия взрослых, но Мирослава помнит, что она моргнула только один раз, женщина прекратила нажимать на грудь и опять приложила палец к шее и ухо к носу матери, а

мужчина снова положил массивные штуки на грудь матери. Линия уже не была такая ровная, ее иногда прерывали галочки. Медики выдохнули, переглянулись, и мужчина пошёл за носилками, пока девушка собирала вещи и присоединяла какие-то проводки к телу мамы. Когда мужчина проходил мимо, он взял её за руку и отвел в комнату к отцу. Через плечо малышка оглянулась и ещё раз посмотрела на неё.

Потом фельдшер долго и упорно что-то объяснял отцу Миры, произнося много сложных слов, для неё непонятных, но она запомнила каждое, даже если не понимала смысла. Так же она очень точно помнит усталое лицо светловолосого мужчины, родинку под его глазом и поджатые губы.

– Состояние вашей жены тяжёлое. Её сердце остановилось, но нам удалось запустить его. Мы остановили кровотечение, но ситуация остаётся критической. Сейчас мы будем перевозить её в районную больницу. Вы можете поехать за нами.

Андрей отрешённо смотрел на пол, локти упёрлись в колени, ладони на затылке как будто держат безжизненную голову. После короткой паузы парамедик добавил:

– Вы всё сделали правильно. Всё будет хорошо.

Эта фраза уже перестала иметь какой-либо смысл. Просто набор букв. Так бывает, когда повторяешь что-то раз за разом, раз за разом.

Глава 3.

– Восемнадцать лет назад, то есть вам было пять лет, когда мать впервые пыталась покончить с собой? – лицо врача не выражало никаких эмоций.

– Да, около того. По крайней мере, первая попытка, о которой я помню.

– Поразительная детализация происходящего, – пауза, – но не эмоций.

– Мм, спасибо? – раздражённо поднятая бровь.

Даниил выжидающе молча смотрит на меня и делает очередную запись.

– Может ещё на диктофон наш сеанс запишете?

– Тщетно. Язык вашего тела, движение глазных яблок, даже запах говорит больше, чем слова.

Внезапно я стала очень чётко осознавать себя. Как гулко стучит сердце, как вспотели ладошки, как задеревенели скрещенные ноги, как напряглись жевательные мышцы, как пересохло во рту, как неприятно щемило в груди, и как горький разъедающий сок поднялся по пищеводу.

– Мне пропеть очередную тираду, о том как мне было грустно, когда мамочка превратилась в живой труп?

Снова запись в блокнот – я раздражённо закатываю глаза.

– Что случилось потом?

– Потом я плохо помню.

– А если подумать? – волна возмущения разбилась о моё окоченелое тело, но я продолжила копаться в куче тряпья-воспоминаний.

– Какое-то время мама пробыла в больнице. Ей назначили ещё больше лекарств, потом на какое-то время ей стало лучше, хотя зависит от того, какая дефиниция у „лучше“. Периодически возвращалась домой. Мама стала другой, более спокойной, но отрешённой, холодной.

– Вы тогда знали, что вашей матери поставили диагноз шизофрения?

– Бабушка объясняла, что мама болеет и не всегда осознаёт, что делает. Но я не совсем понимала, что это значит. Мне кажется, ни бабушка, ни отец, ни мама сами особо не понимали, что происходит, и что диагноз шизофрении значит. Моей маме было шестнадцать, когда она забеременела, семнадцать, когда она родила меня, девятнадцать, когда ей поставили диагноз, хотя симптомы начали проявляться намного раньше. Врачи думали, это что послеродовая депрессия. Она была сама ребёнком и должна была заботиться о другом ребёнке.

– Что вы чувствовали, когда её выписали в тот раз?

– Вы знакомы с суждением, что в психологи идут глубоко травмированные люди?

– И каждого психолога ждет своя койка в дурдоме, верно? Для кого интересуетесь?

– Не интересуюсь, а вдохновляюсь, Даниил Александрович.

– А в пожарную службу идут потерпевшие с ожогами третьей степени, Мирослава, да? – его намёк больно ущипнул. Но сегодня не об этой главе моей жизни. Действительно хорошо подготовился. Мерзавец с лицом ангела. Хорошо, на время поиграем по его правилам.

– Помню, что почти всё время проводила рядом с ней, выходила на улицу только в тех редких случаях, когда мама сама выходила. Отец и бабушка пытались меня вытащить наружу, но я ни на шаг не отходила от неё.

– Почему вы не отходили? – снова изящное движение ручки. Я заметила гравировку «Et in Arcadia ego».

– Что означает эта фраза?

– Это саркастический подарок моего друга. У героя одной книги был подобный кинжал, – не ответив толком на мой вопрос, врач щёлкнул ручкой. – Так почему вы не покидали мать?

– Наверное, потому что боялась, что она снова попытается что-то с собой сделать? Как я уже сотню раз сказала, я плохо помню, – последнюю фразу я продиктовала по буквам.

– Хорошо. А что чувствовали, когда мама вернулась домой после больницы? Что вы ощущали рядом с ней? Что происходило с вами?

– Мне снились кошмары... Первые пару месяцев мы перестали есть на кухне.

– Я имею в виду, внутренне.

– Была тяжесть, теснота в груди, горло сдавливало, тупая боль в животе. Я плохо помню, чёрт возьми.

Даниил Александрович постучал обратной стороной ручки по блокноту, посмотрел в окно и снова перевёл взгляд на пациентку.

– Могу сделать предположение?

– Валяйте.

– Дело не только в страхе потерять мать. Мне кажется, вам также было стыдно и вы пытались искупить вину. И вы всё ещё чувствуете её.

– Какую вину? – лоб исказили тонкие морщинки.

– Во время реанимации вашей матери, вы стояли на пороге кухни и прокручивали мысль: «Что если бы мы пришли раньше?» Перефразирую, вы думали, что если бы вы не попросились прокатиться ещё один раз, вы с папой были бы дома раньше, и с мамой ничего не случилось бы. Возможно, вы думали, что из-за вашего желания вы с папой вернулись позже, чем обещали матери, и поэтому она перерезала вены. Поэтому вы постоянно следовали за ней, чтобы искупить то, что считали своей ошибкой.

Мирослава молча обдумывала.

– Вы говорили кому-нибудь о чём вы думали в тот момент? Бабушке? Врачам?

– Вряд ли.

– Следующее предположение: я думаю, вам было стыдно, и поэтому вы никому не говорили из взрослых о своих переживаниях. Дети очень далеки от понимания жизни и смерти, для них это просто данность. Попытка самоубийства родителей это самый сложный и совершенно непонятный опыт для ребёнка. Дети часто считают, что это их вина.

После короткой паузы, Даниил Александрович добавил:

– Вы слишком чётко рассказываете для человека, который постоянно повторяет, что плохо помнит те события. Из этого делаю вывод: вам комфортнее думать, что вы не помните. Вы остались жить в той же квартире, где это произошло и всё ещё там находитесь?

– Да, – ответила Мирослава и скрестила руки на груди. Даниил внимательно проследил за этим жестом.

– У вас было место, куда вы могли сбежать? Где вы чувствовали бы себя защищённо?

Она перевела взгляд на окно.

– Да, когда мне снились кошмары, отец иногда забирал меня в свою машину. Включал обогреватель, свет, сажал меня на колени и ставил кассеты с нашими любимыми песнями. Если я не могла заснуть, то он садил меня на заднее сидение и навёрстывал круги по городу. Я тогда очень быстро засыпала. Машина всё ещё стоит у подъезда, – улыбнувшись тёплому воспоминанию произнесла девушка. – На улице совсем стемнело. Который час?

Даниил Александрович посмотрел на наручные часы и произнёс:

– Начало девятого.

Вместо положенного часа сессия длилась уже четыре.

– Я совсем потеряла счёт времени. Простите, – Мирослава резко встала из кресла и направилась к выходу. Врач последовал за ней.

– Вам не нужно извиняться. Сложные темы никогда не укладываются в одну сессию, продолжим на следующей встрече. Ваши переживания заслуживают внимания. У меня достаточно

времени, чтобы всё разобрать, – опережая Мирославу и помогая ей надеть зимнее пальто, успокаивающе произнёс он.

– Д-да, спасибо.

– Вечер пятницы вам подходит?

– Да. То есть нет. У меня подработка в лаборатории.

– Следующий понедельник в то же время?

– Если вам так угодно.

– Договорились. Ах да, пока не забыл, вот рецепты на респеридон, феназепам и кое-что новенькое, должно помочь немного улучшить ваше настроение, – с немного лукавой улыбкой протягивает бумажку Даниил Александрович, как будто бы в его руках билет на поезд, и они вот-вот должны отправиться в кругосветное путешествие.

Она выдыхает с явным облегчением и покорно принимает клочок бумаги. На листке аккуратным почерком выведены заветные слова. Ещё минуту назад она думала, что её четыре битых часа таскали по закоулкам памяти, с головой окунали в ледяную воду детства и отправят домой ни с чем.

– Вы думали, что я ни с чем к отправлю вас домой? Что мы тут только поболтать собрались о вашей семье? – заметив облегчение, не переставая улыбаться произнёс врач, точно угадав о чём думала пациентка.

– Нет, конечно нет, – соврала девушка, заглядывая в голубые глаза.

Врач наклонился ближе к ней, и решительный поток слов полился из совершенного рта:

– Нет, Мирослава, я очень серьёзно намерен вам помочь. Психоанализ лишь часть пути, не всегда приятный, но станет лучше, вот увидите.

Станет лучше, всё будет хорошо, всё наладится – сколько раз Мирослава слышала эти пустые фразы —не сосчитать. Они потеряли всякий смысл. Что всё? Насколько лучше? Что хорошо? Всё хорошо в жизни не бывает по определению, да и не надо, чтобы всё было хорошо. Возможно, достаточно того, что есть сейчас. Зачем надеяться на что-то? Она давно приняла действительность в которой находилась. Ей не нужны были порошковые обещания.

– А теперь сдержите вашу сторону договора. Покажите блокнот.

Врач протянул блокнот и внимательно проследил за моей реакцией. Пролистав абсолютно новый блокнот с чистыми страничками, я засмеялась.

– До свидания, Даниил Александрович, – снисходительно произнесла я и с мягкой полуулыбкой посмотрела на своего врача.

– До свидания, Мирослава.

Глава 4.

Только переступив порог квартиры, я почувствовала, что двухмерный фильтр постепенно начал рассеиваться. Сначала до сознания стали понемногу доходить физические ощущения, как будто кто-то включил ржавый регулятор чувствительности моего тела. Я ощутила, как левая лямка портфеля слишком туго натянута, как неаккуратно отрезанная бирка от свитера царапает бок, как ткань пальто тяжело лежит на плечах, как обувь зашнурована слишком крепко. Спина заныла от напряжения, разжались ладони, расслабилась челюсть, замедлилось сердцебиение. Каждое движение диафрагмы при вдохе и выдохе стало осязаемо.

Потом сознание начало смутно улавливать окружающие звуки. Свое же дыхание, резкий скрип двери за спиной, приглушённый разговор соседей, движение воды в старом радиаторе, как громко упал рюкзак и ключи.

Хлынул поток эмоций. Тяжело опали плечи, защипало глаза, опустились из нейтрального положения уголки губ. Ладони потянулись к обледеневшему лицу, медленно провели вверх и вниз, остановились у висков.

Руки и тело снова казались настоящими и моими.

Закрыв уставшие глаза и бросив руки, я прислонилась к двери. В основе деперсонализации-дереализации лежит механизм психологической защиты. Говоря проще, психика стремится избежать нежелательных эмоций и чувств, отделить себя от них. Видимо, переживание воспоминаний, связанных с матерью, разум посчитал достаточно травматическим процессом и решил мне помочь. И на том спасибо. К сожалению, не всегда вот так легко можно выйти из этого состояния, иногда оно длится и дни, и недели, и месяцы.

Перед глазами всплыла картинка элегантных рук Даниила Александровича, постукивающих ручкой по блокноту. Честно признаться, смотреть на него намного приятнее, чем на предыдущую врач-психиатр. Если бы он ещё не решил поиграть во Фрейда, было бы вообще прекрасно. Через неделю снова нужно будет словоблудить, но каюсь, что мысль о том, чтобы провести с ним ещё один вечер немного будоражила. А пока что возвращаемся к обыденности. Надо подготовиться к занятиям, работе и заняться бытовыми заданиями.

Неделя прошла довольно быстро. Несколько интересных занятий, несколько неинтересных занятий, парочка зачётов, парочка докладов в университете, а в лаборатории мне поручили сделать бактериологические посевы и провести тесты на анализ устойчивости патогенов. В четверг я почти разбила очень дорогой микроскоп, в пятницу хроматограф, а в субботу из рук так и сыпались чашки Петри. Причиной этому стали мысли совсем не о микробиологии.

Хотя, если вдуматься, человек развивался от одноклеточных эукариот, а Даниил Александрович определённо человек, так что можно сказать, что и о микробиологии размышляла.

В глубинах древнего океана собрались первые молекулы РНК четыре миллиарда лет назад. Потом появились бактерии, адаптировались, выжили в невозможных условия. Рыбы вышли на сушу, а наши предки терпели голод, болезни, пережили ледниковые периоды, войны, и всё это привело к тому, что вот я – наследница трудолюбивых эукариот, усердных бактерий, рыб и млекопитающих – с диагностированной шизофренией увлечённо пускаю слюни во своему же психотерапевту на работе. Вместо микроскопа я вижу его холодные глаза и пальцы в чернилах, и мои гены – вместе с приматами, вымершими морскими существами, вестлотианами и австралопитеками разочарованно аплодируют. Потому что вся эта цепочка страданий привела в этот чудесный момент.

Откуда взялась эта увлечённость? Всю осознанную жизнь мне были абсолютно безразличны мужчины и женщины, ни в сексуальном плане, ни в дружеском, ни в каком. Я искренне думала, что я фригидная. Оказалось, что просто избирательная. Да и, если честно, не чувствую

потребности в общении. Интересно понаблюдать за человеческим взаимодействием, проанализировать может быть, но становится участником – нет уж, лучше воздержусь.

В памяти всплыли слова врача, мол я чувствую вину за попытку суицида матери, что если бы мы вернулись во время, если бы мне не захотелось ещё раз прокатиться, этого бы не случилось. Я быстро прогоняю эту мысль. Предпочту думать о загадочном психиатре, вместо самокопания.

Во время самого приёма я частично отсутствовала, а сейчас мозгу больше нечем заняться, чем вспоминать интеракцию с Даниилом Александровичем, приукрашивать, переворачивать и выдумать резко появившееся увлечение. Прокрастинация? Может мне легче выдумать и сконцентрироваться на клишированном влечении, дабы избежать повторного переживания ужасных моментов моей жизни? Возможно. А может реакция на лекарство? Тот новый препарат, который должен бы меня “развеселить” оказался психостимулятором, который вообще используют для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности и крайне редко при шизофрении. Но кто я такая, чтобы ставить под сомнение решение врача-психиатра со сколько-тотамлетним опытом работы. Кого я обманываю? Я точно помню с каким опытом работы, потому что мало того, что те первые минуты приёма высечены у меня в памяти, так ещё я и не удержалась и поискала информацию о нём. Боже, надеюсь, это не перерастёт в одержимость.

Незаметно наступил следующий понедельник, а с ним пришло осознание неизбежности этой встречи. И нет, я не могу просто не прийти, потому что я нахожусь на диспансерном наблюдении, что в народе называется «психиатрическим учетом». Последствия этого таковы, что мне ограничили право на вождение автомобиля, и на работу по “социально значимым” профессиям. Хотя есть утвержденный список заболеваний, при которых все эти ограничения действуют автоматически, и шизофрения входит в него. Так же при диспансерном учёте врач имеет право приходить к пациенту домой и проверять его состояние, помогать в решении бытовых и социальных проблем – даже при оформлении письменного отказа пациента.

Так что унылой походкой я снова направляюсь в палату номер шесть. Медленно падают снежные хлопья, сквозь плотный слой белого порошка почти не видно грязи и дыр в асфальте, люди маршируют понуриив покрытые чёрным капюшоном головы, укрываясь от вьюги. Проезжающий мимо автобус окатил слякотью толпу людей стиснувшихся под куполом металлической остановки.

Дохожу до знакомого здания. При входе, облокотившись о перила стоит высокий мужчина. Старый фонарь блекло-жёлтым сиянием освещает только одну сторону утончённого направленного вверх профиля незнакомца. Мужчина неподвижен, глаза закрыты, губы расслаблены. Снежинки беспрепятственно тают на лице, стекают по длинному носу, приостанавливаясь на выточенной горбинке, собираются капельками на длинных светлых ресницах. Незвестный медленно открывает глаза, отталкивается от перил и переводит взгляд на меня.

– Здравствуй, Мирослава, – Даниил Александрович произнёс глубоким, слегка охрипшим голосом. – Вы не хотите прогуляться?

Глава 5.

Понедельник, 8 декабря

– Здравствуйте, Даниил Александрович, – я рефлекторно ответила на приветствие, еле слышно. Тайком разглядывать своего же психотерапевта – отличное начало сессии.

– Что вы скажете на то, чтобы пройтись по улицам этого замечательного города? Такая сказочная погода.

Сказочная? Замечательного города? Видимо, через призму этих глубоких глаз цвета ледяного озера мир воспринимается иначе. Может он сможет научить меня также видеть действительность?

– Хорошо.

Даниил Александрович подождал, пока я дойду до него, и тогда мы направились в сторону парка, шагая в такт друг друга. Моя левая сторона почувствовала исходившую от него пульсирующими волнами теплоту. Машинально моё тело прильнуло к нему в поисках согревающего тепла. Теперь мы шли почти соприкасаясь плечами.

– Как прошла ваша неделя? – мягко спросил психотерапевт и изучающе посмотрел мне в глаза, как будто его действительно это волновало.

– Нормально. Обошлось без казусов. А ваша? – ответила я, не разрывая зрительного контакта.

– Хорошо, спасибо, – на его гладко выбритом лице появилась ямочка. Боже. Мир бы просто развалился, если бы этот человек имел хоть один недостаток? Уважаемые эукариоты, доисторические морские существа, млекопитающие и другие ячейки эволюции, можете спокойно спать, зная, что ваши труды окупились, и вы создали кого-то предельно совершенного.

А ещё я заметила, что он очень мало говорит, а если и отвечает – то односложными предложениями и без дигрессии.

– Вы всегда так малословны, Даниил Александрович? – мне захотелось побольше узнать о нём. В конце концов, это будет честно.

– Анализируете меня, пока я анализирую вас? – игриво прищурился врач. — Это приём в общении — молчание побуждает собеседника говорить. Тишина создаёт пространство, где человек ощущает необходимость развивать свои мысли или делиться чем-то дополнительным, чтобы заполнить паузу. Удовлетворительный ответ?

– Более чем.

Врач умело перевёл тему снова на мою личность:

– В таком случае позволь поделиться моим наблюдением о вас. Знакомы ли вы с термином «гипербдительность»? – я отрицательно покачала головой, – Дети, выросшие с эмоционально нестабильными родителями, развивают сверхчувствительность. Это состояние, при котором человек постоянно анализирует окружающих и их поведение, чтобы предугадать возможные угрозы. Это результат необходимости «сканирования» настроения родителей, чтобы понять как себя вести, как избежать конфликта или угрожающих ситуаций. Глубокий анализ превращается в защитный механизм.

Я замолчала, обдумывая пронзительные слова Даниила Александровича.

– Вам не надо анализировать мои действия. Я вас не обижу, вы можете расслабиться и наконец подумать о себе, – добавил психотерапевт, расставляя паузы между предложениями, подчёркивая свою серьёзность.

В глазах зацепило. Я начала упрямо рассматривать свои ботинки, как будто видела их впервые в жизни, лишь бы не наткнуться на взгляд небесных глаз. Я вижу этого человека второй раз в жизни, так почему кажется, что мы знакомы несколько десятилетий? Почему слова так ранят, а взгляд разрезает тонкую кожу, отделяя мышцы от костей?

– Как вам новый препарат? Как вы себя чувствуете? Что-то из побочных эффектов возникло? – видимо я слишком долго витала в облаках, и он принял моё молчание за окончание этой ветки диалога.

Если не считать резко возникшего увлечения вами, то всё абсолютно хорошо и даже очень хорошо. Конечно же я не сказала это вслух. Хотя стоило бы, ведь это может повлиять на терапию и даже навредить мне. Да и открытое обсуждение может помочь лучше понять свои эмоции. Но хочется побыть нерациональной, вдоволь искупаться в новых ощущениях, пуститься во все тяжкие. Может я наконец пойму о чём пишут неисчислимы авторы в бесчисленных романах?

Переведя расфокусированный взгляд на плотный забор деревьев за спиной врача, я начала рыться в памяти:

– Хм, я заметила повышение энергичности. В целом улучшилось настроение, стала меньше спать, повысилась физическая выносливость и снижение аппетита. Ах, и появилось чувство... воодушевления? Эйфории?

– Хорошо. Это всё относится к наиболее распространенным эффектам психостимуляторов, не стоит волноваться.

Ага, а ещё одержимости.

— Я не волнуюсь, – наши глаза снова встретились. Он утвердительно кивнул и посмотрел вперёд.

– Необычные сны? – спросил психотерапевт. Мы свернули с дорожки и направились в противоположную от центра сторону.

– Вообще-то да. Они стали немного красочнее, ярче, детализированнее, – обобщённо ответила я, не желая делиться и этой стороной своей жизни. Хотелось, чтобы хоть одна частичка осталась только моей, чтобы ни в какой истории болезни чужие глаза не смогли осквернить этот элемент.

– Вот мы и пришли, – врач внимательно посмотрел на меня в ожидании.

Мы остановились около старого четырёх-этажного кирпичного здания. На некоторых окнах были решётки, вокруг ограждение. Белая краска облупилась с фасада, в окнах царил темнота, металлическая табличка едва виднелась, но из-за снега нельзя было разобрать ни слова. Здание показалось смутно знакомым, запах возбудил болезненное ощущение в груди. Неужели?

Зрачки в огромных изумрудных глазах расширились, сердце пропустило удар, тело напряглось, словно дернули за позвоночник.

Я резко повернула голову и выпалила бессвязно:

– Откуда? Зачем сюда? П-почему?

– Не забывай дышать, Мирослава, – мягко ответил Даниил.

Низкий голос врача донёсся словно из далека. Сначала начали расплываться края окружающего мира, а затем и его красивое лицо.

Послушно я вздохнула, и ледяной воздух обжёг глотку. Воздух с шумом завладел лёгкими, и грудь наполнилась необходимым кислородом. Я начала терять равновесие, но крепкие руки уверенно обхватили плечи.

– Рано или поздно, нам пришлось бы поговорить о твоей госпитализации, Мирослава, – уверенным, не терпящим возражений голосом произнёс Даниил Александрович, – так почему же не сейчас? Почему бы не сбросить с себя этот груз, который пожирает тебя изнутри? Я понимаю, что это болезненный процесс, но он не станет менее болезненным со временем. Ты можешь сколько угодно зарывать эти воспоминания, но они никуда не денутся и будут тянуть тебя на дно до конца жизни, отравляя всё вокруг! – его стальная хватка на моих дрожащих плечах усилилась.

– Я не могу, – прошептала я.

– Можешь. Ты больше не бессильный ребёнок, каким ты была, когда впервые здесь оказалась, теперь ты сильная взрослая девушка. Теперь ты можешь понять, что произошло, постоять за себя и освободиться от этой ноши. Но для этого ты должна позволить себе вспомнить и рассказать. Я здесь, чтобы помочь тебе, Мирослава, – горячая тяжёлая рука подняла мой подбородок, заставляя увидеть твёрдую уверенность в его глазах.

– Я не хочу, мне... я не хочу в этом копаться.

– Знаешь, после нашей последней встречи, я перечитал «Палату номер 6» и нашёл очень подходящую цитату. «Боль есть живое представление о боли: сделай усилие воли, чтоб изменить это представление, откинь его, и боль исчезнет».

– Если было бы так легко, «откинуть»! И вообще, вы дочитали до конца? Доктор становится больным, понимает, что ему никогда не выйти из палаты, и умирает на следующий день от апоплексического удара.

– Когда ты читала эту книгу?

– Когда была ребёнком. В средней школе, вроде бы.

– Если ты спустя десять лет помнишь точную концовку романа с диагнозом, то вспомнишь и свою госпитализацию в детской психиатрической больнице.

Кажется, тревога трансформировалась в раздражение, и я закатила глаза.

– Я очень смутно помню. Только отрывки, и вряд ли они так влияют на меня, – взывающе проямлила я.

– Тогда почему ты дрожишь? – *а под слоем раздражения таился страх*, – Ты закопала воспоминания под глубоким слоем земли, но где-то в коре головного мозга они расположились и по-прежнему терзают тебя, влияют на каждое принятое тобой решение в данный момент, на каждую пережитую эмоцию, – в его глазах теплилась мягкость, а сильные руки дарили ощущение спокойствия и уверенности.

Я где-то читала, что объятия активируют парасимпатическую нервную систему, восстанавливая баланс, успокаивая и расслабляя. Даже коровок зажимают для вакцинации. А меня Даниил Александрович. Мысли сразу же направились в другое русло. Уместно ли это вообще? Я пошатнулась и могла упасть. Ничего сверхъестественного в том, что меня подхватил ответственный за моё здоровье и благополучие врач, а я буквально плавлюсь от прикосновения моего психотерапевта — нет. Он очевидно привлекательный мужчина, но я не животное, чтобы кидаться на него. Хотя немножко хочется побыть животным, пойти на поводу у инстинктов. Хоть чуть-чуть.

К чёрту оправдания и сомнения.

Я хочу чувствовать, а не думать о том, что чувствовать.

– О чём ты думаешь? – прервал поток мыслей объект теперь уже моих грёз. В голосе слышался неподдельный интерес, а в глазах – заинтересованность.

– О коровах, – и не солгала же.

– О коровах? Что именно?

– В некоторых странах домашний скот держат в зажимном желобе для вакцинации и других процедур, и животные сразу же расслабляются после того, как оказывается давление, так как оно оказывает успокаивающее действие.

– И исходя из этого, я сейчас выполняю роль тисков, а ты коровы?

– Да, получается, что так.

– Тогда пора переходить к вакцинации?

– Получается, что так, – врач медленно отпустил меня, удостоверившись, что я держу равновесие.

Я поёжилась от потери тепла и уставилась на белое здание, изучая, цепляясь за детали, пытаюсь пробудить что угодно в памяти.

– Хорошо.

Простояв так пару минут, ничего так и не пришло в голову. Раздосадовано вздохнув, я перевела взгляд обратно на Даниила. Всё это время он не сводил с меня пронизывающих глаз.

– Кое-что может тебе помочь, – врач достал из кармана пачку сигарет.

– Сигареты мне помогут?

– Феномен Пруста – пробуждение запахами давно утраченных воспоминаний. Задействуем обонятельную память.

– И откуда вы знаете, что я курила в то время?

– Прочитал в истории болезни.

– И насколько она детализированная?

– Достаточно.

– В ней даже указана моя любимая марка?

– Марку я возможно угадал, – я покачала головой и взяла сигарету.

– Сколько вообще производимых марок? Сотня? Две? И вы просто-напросто угадали?

– Дедукция.

– Seriously?

– Ты сейчас не о том думаешь. Закрой глаза и наблюдай за своими мыслями.

Врач поднёс зажжённую зажигалку к сигарете, второй рукой заслонил огонёк от резких порывов ветра, позволяя пламени мягко озарить тонкие черты лица девушки. Его рука почти коснулась её губ. Затем также закурил, приняв расслабленную позу. Они одновременно сделали несколько глубоких затяжек. Дым окутал две фигуры, отделяя их от остального мира.

Ах, курение – какая длинная глава истории человечества. Целая культура основана на высушенных, измельчённых и ферментированных листьях табака. Биомеханизм воздействия никотина, содержащегося в табачных листьях, связан с его взаимодействием с никотиновыми ацетилхолиновыми рецепторами в холинергических синапсах, что приводит к возбуждению некоторых отделов центральной и периферической нервной системы, и, как следствие, вызывает активацию дофаминергических путей, отвечающих за чувство лёгкой эйфории.

И сейчас первая затяжка обжигающим облаком проникает в лёгкие, заполняя их привычной едкой смесью никотина, пестицидов, тяжёлых металлов, мышьяка и цианида; мгновенно разливается по венам жидким золотом, принося долгожданное расслабление, лёгкую дрожь в коленках и головокружение. Первый выдох уносит с собой все горечи и заботы, снимает груз с плеч, закрывает тяжёлые веки и остаётся нежной горечью на кончике языка.

Разбросанные воспоминания не хронологическим рассказом пришли сами собой, осталось только вяло наблюдать и позволить отправиться в путь вместе с ними.

Глава 6.

Десять лет назад.

Слизистую носа разъедал тяжёлый запах бензина. Обшарпанный линолеум блестел и переливался в лучах заходящего солнца всеми цветами радуги. Закрывавший дефект напольного покрытия потрёпанный ковёр бесповоротно пропитался едкой жидкостью. Досталось и дивану, и трельяжу, и серванту, и даже цветам на подоконнике. Только любимый килим на стене остался сухим. По середине комнатухи неподвижно стояла девочка. Она была на грани между детством и юностью. Угловатые линии, длинные ноги-спички, но проявлялись первые черты взрослой девушки. Её грудь безостановочно то опускалась, то поднималась, впуская маленькие глотки воздуха. В глазах застыло искреннее, животное безумие. Широкий зрачок почти полностью заполнивший радужку бешено перепрыгивает с одного угла на другой, не в состоянии двигаться плавно. Мокрая одежда обтянула тонкое тело как вторая кожа. С ниспадающих русых волос капала маслянистая жидкость, образуя лужу под голыми стопами.

Левая рука крепко сжимает коробок спичек белыми пальцами. Помещение заполняет гнетущая тишина, иногда разрываемая звуками капель – бензин всё ещё стекает с запутанных светлых прядок. Однако в голове у неё совсем не тихо. А наоборот, настолько громко, что она не слышит своего же учащённого дыхания и мыслей. Её голову заполнили грозные, терроризирующие, выстрашающие голоса убеждающие её, при этом прерывая, перебивая друг друга, что единственным способом избавиться от них, от горести, от боли, от сожаления, от тоски и агонии сопровождающей Мирославу на каждом шагу – это очиститься пламенем, священным огнём. Самый оглушительный, писклявый голос беспрерывно повторял: «И введу третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото: они будут призывать имя Мое, и услышу их и скажу: это Мой народ, и они скажут: Господь – Бог мой». Второй – тихий, испуганный голос изредка потворствовал щебеча: «Но кто выдержит день пришествия Его? Кто устоит, когда Он явится? Ибо Он будет, как огонь расплавляющий и как щелок очищающий. И сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит левитов, и расплавит их, как золото и серебро». Третий голос чаще всего просто издевательски смеялся, иногда истерично плакал, комментировал действия Мирославы и обвинял её со всех грехов человечества. И сейчас эта святая троица вопила в унисон: «Гори! Жги! Гори! Жги! Гори! Жги! Гори! Жги!»

Последние капли сомнения испарились под действием твёрдых, повелительных, агитирующих убеждений компаньонов, и рука уже начала открывать коробок, а вторая доставать спасительную спичку, обещающую очистительное пламя, священный огонь, как вдруг входная дверь с шумом распахнулась, и в помещение ворвался пожарный отряд.

Огнеборцы оценили обстановку. Сначала на их суровых, сконцентрированных лицах отобразилось непонимание, но через долю секунды — решимость.

Взгляд капитана остановился на сжатом коробке. Оценив безумие в глазах девушки, он бросился на неё, выбивая весь воздух из её лёгких, а также коробок из тонких рук. Она истошно закричала, но вовсе не на него, а чтобы заглушить невыносимый гул слышимый только в её голове. Три собеседника, с которыми она не расставалась ни на минуту последние две недели, разочарованно вопили, почти разрывая барабанную перепонку, и приказывали выбраться из захвата пожарного. Закончить начатое, очистить себя и дом, в котором она выросла, который причинил ей столько несчастья и зла. Она с невиданной силой оттолкнула от себя пожарного, в три раза больше её самой. Голоса пронзительно ревели, чтобы она тот час освободилась и зажгла чёртову спичку. Потребовалось двое сильных мужчин, чтобы удержать тощую девушку-подростка, вырывавшуюся из их стальной хватки с невероятным, титаническим усилием.

Оказалось, соседи, учуяв резкий запах бензина, вызвали пожарно-спасательную бригаду. Потом приехала скорая помощь, вколола пять миллиграмм диазепама внутримышечно в верх-

ний наружный квадрант ягодицы. В следующий раз, когда девушка открыла глаза, она была в одиночной палате, привязанная к жёсткой больничной кровати во втором психиатрическом отделении для детей от двенадцати до восемнадцати лет.

Вообще это редкость, чтобы в таком маленьком городе были специализированные отделения предназначенные для подростков, в большинстве они являются смешанными – в них проходят лечение дети всех возрастов, от малого до великого, естественно с разделением палат для каждого пола, чтобы обеспечить хоть какую-то конфиденциальность и безопасность.

Видимо, в этом стотысячном, шаблонном, постсоветском городе, в котором только около пятидесяти солнечных дней в году, а если оно и выходит, то его не видно за плотным серо-черным дымом чрезмерно загрязнённого оксидами азота, перекисями нитратов, окисью углерода, парами бензина, растворителями, пестицидами и другими вредными веществами воздуха, выделенными в результате работы промышленных производств, которым этот город и усеян, была потребность в создании подобного отделения.

Проще говоря, из-за феноменального количества отравленных смогом, недостающих основных витаминов и минералов, в которые так убога современная еда, мозгов подростков, хреновой системы образования, скверной социальной обстановки, и ещё парочки не менее важных факторов появилась нужда в открытии дополнительного психиатрического отделения исключительно для несовершеннолетних балбесов.

Возвращаясь к, собственно, истории: через пару дней, убедившись, что Мирослава не представляет больше угрозы, её перевели в двухместную палату. Её соседкой оказалась семнадцатилетняя Дина. У неё были тёмные глаза, курчавые волосы цвета вороньего крыла и красивые руки. Особенно Мирославе нравились её обжигающие янтарно-жёлтые глаза, так не похожие на её собственные или матери или отца или бабушки, в общем, на глаза, в которые она привыкла смотреть. Когда на очи Дины ниспадали лучики солнца, они становились текучим золотом, обрамляющим солнцестояние. Они превращались в обещания неизведанных горизонтов; они напоминали о матушке-природе, принимая цвет земли после дождя и коры многовекового дерева. Мирослава представляла, что тонет в меду, согретым осенним солнцем, что она растворяется в насыщенности кофе, в тёмной глубине янтаря, в котором застыла вечность и она вместе с ней.

Дина постоянно повторяла, что её контролируют чернила, которыми неумёха-писатель лепит её судьбу, подобно тому, как наши глаза контролируют то, что мы читаем.

Чаще всего их накачивали успокоительными и седативными, так, на всякий случай. Лечение состояло практически полностью из химии, чтобы снять психоз и выровнять эмоциональное состояние. Без лишних разговоров, а уж тем более глубокого психоанализа. Поэтому Мирослава знала, что после уколов нужно принять определённую позу, потому что через пару минут не останется силы задействовать хоть одну мышцу, а тем более сдвинуться и поменять позицию. Поэтому она всегда ложилась на спину, поворачивала голову влево и замирала, погружаясь в далёкие миры и тайны, которые хранили в себе глубокие, тёплые глаза Дины.

Дина принимала такую же позу и искала ответы на дне волшебного изумрудного озера Мирославы, наслаждаясь дыханием природы – погружаясь в вечную листву, в прохладу мха на камнях, в свежесть травы и становясь единым целым с бескрайними полями, усеянными цветами.

Так непохожие внешне девушки постепенно обнаружили родственные души в друг друге. Делились переживаниями, воспоминаниями, мыслями, мечтами, надеждами, горечью, страхами, идеями, чувствами, незаживающими ранами, знаниями и представлениями о мире. Наконец-то им удалось найти союзника, с которым можно было искреннее разделить пережитое.

Дина делилась сигаретами, которые так успокаивали, которые стали их общей тайной. С внешним миром была связь только через стационарный телефон, доступ к которому был

в течении пары минут раз в день. Мирослава звонила бабушке. Почти каждый раз разговор заканчивался слезами прародительницы и успокоиванием со стороны Миры. Надежда потеряла не только дочь вследствие болезни, но также и покойного мужа, а зять не справился с потерей и также исчез из их жизни, оставив дочь на попечении бабушки, словно его никогда и не было.

Только машина напоминала о его существовании. А теперь ещё и единственной внучке поставили неутешительный диагноз «Параноидальная шизофрения». Надежде казалось, что это кровное проклятие. Она находилась не далеко от правды, ведь шизофрения является заболеванием со сложным механизмом наследования, и гены играют существенную роль в факторе риска развития. Особенно если присутствует так называемый курок, то есть травматическое событие, как например, в случае с Анастасией, ранние травматические роды с осложнениями и смерть отца. Врачи предполагали, что в случае с Мирославой, пубертатный период сработал как провоцирующий фактор, а также свою роль сыграла, конечно же, ранняя кончина матери и уход папы.

Своё утешение Надежда Ивановна нашла в религии ещё после потери дорогого мужа, когда её Анастасии было всего десять лет. Наибольшее успокоение для неё стала надежда и уверенность в том, что их брак не закончился со смертью. Она положила на обетование, что на небесах они воссоединятся. Надежда уверовала, что Сам Бог-Творец, Который знает нас лучше, чем мы сами, понимает нашу боль и стремится исцелить нас и дать нам Свой мир.

Она приняла крест сама и также провела крещение Анастасии, когда та уже выросла, и настояла, чтобы маленькую Мирославу также крестили под именем Вера, что всё равно не уберегло их от несчастья. Анастасия покончила с собой повесившись в кухне, а Мирослава почти подожгла квартиру и себя вместе с ней. Очень иронично получилось, что голоса приводили именно цитаты из Великой Библии, настаивая на очищении огнём. Но и это не пошатнуло веру женщины, а только парадоксально укрепило, сделав её непоколебимой. Надежда постоянно повторяла про план божий и про испытания, которые посылает Бог, чтобы сделать нас крепче и, в конце концов, те испытания и бедствия, которые Он допускает в нашей жизни, являются частью обетования – что все будет обращено во благо.

Мирослава смиренно выслушивала эту чепуху, лишь бы лишний раз не тревожить бабушку и даже иногда ходила с ней в храм. По правде, Мире нравился запах ладана, олибанума, пало санто и других ароматов благовоний, которые сопровождали богослужение. Монотонный голос священника успокаивал, а деревянные стены и скоромное обличие деревянного храма помогали навести порядок в голове, тишину, а самое главное – благодарность и спокойствие в глазах любимой бабушки. Поэтому иногда Мирослава благородно скрипела душой и сопровождала Надежду в её духовных исканиях.

И даже сейчас бабушка повторяла что-то про план божий в те пару минут телефонного разговора отведённых для них, а Мирослава позволяла ей, изредка угукая.

Диане повезло больше. Ей вообще никто не звонил и она и словом не обмолвилась за все три месяца пребывания в психиатрической больнице про свою семью, а Мирослава и не настаивала.

Они решили вместе, что нет смысла обижаться на мир за те несчастья, что с ними произошли. Они решили обидеться на людей, которые его сотворили таким, каким он есть сейчас. Это произошло, когда они вместе читали книгу «Три товарища» Эриха Марии Ремарк и дошли до заинтересовавшей их фразы: «Мир не сумасшедший. Только люди», что дало начало их подростковому нигилизму и дальнейшим философским рассуждениям. Вообще, хорошие книги в психиатрических больницах были на вес золота. А так как им уже не были интересны детские сказки, которыми было наполнено их отделение, то «серьёзные» произведения ценились ещё больше. Одной литературой не проживёшь, поэтому Дина научила стаскивать хлеб с обеда, класть его на еле работающие батареи и потом объедаться сухариками.

Так они и проводили свои дни, погружаясь в другие миры и истории. Иногда Дину куда-то уводили, особенно если они вдвоем сильно озорничали или, наоборот, погружались в раздумья, а у санитаров было плохое настроение. Тогда Мирослава оставалась одна, не желая выходить из уже ставшей их крепостью маленькой палаты. А когда возвращали, глаза сопалатницы отражали абсолютно ничего, и лишь спустя какое-то время пустота уходила и появлялись проблески личности. По кругообразным отметкам на висках, Мирослава догадывалась, что это были последствия электро-судорожной терапии. Грубо говоря, они пропускают двести двадцать вольт через мозг пациента и это должно принести «значительное улучшение» или «очень значительное улучшение». Может и так, но это мучительно страшно.

А ещё больший ужас наводил заведующим отделением – Афанасий Григорьевич, совершенно обыкновенно выглядящий мужчина среднего возраста – с жидкими усами, которые он постоянно крутил то ли гладил правой рукой, а левой рукой всегда стучал по ближайшим поверхностям, будь это стол, тумбочка, медицинская карточка или собственное же колено. Так же у него была выдающаяся блестящая лысина на макушке, от которой зачастую отражались светильники, и он всегда как будто бы вынужденно улыбался и нервно поглядывал по сторонам. Однако вся вот эта его среднестатистичность, обыкновенность, заурядность подсознательно пугала, заставляя нервничать. Что-то в этом человеке было категорически не в порядке, что-то хитро скрывалось за этой его банальностью, и об этом во всё горло вопили инстинкты. Особенно, если учитывать, что этот человек обладал практически безграничной властью над своими подопечными.

Мирослава никогда не видела, чтобы Дина с ним разговаривала на прямую. Когда он приходил в палату, она всячески кричала, обзывала и оскорбляла его, пока заведующий отделением садился на стул спиной к кровати Дины, и как будто полностью игнорировал присутствие сопалатницы. Вместо того, чтобы спрашивать напрямую, Афанасий Григорьевич часто спрашивал у Мирославы, как сегодня поживает Дина, или чем они сегодня занимались, как себя чувствует Дина и подобные вопросы. Мирослава не знала, почему они не общаются, может это какой-нибудь психологический приём или их договорённость. Она не понимала, как ему удаётся так искусно игнорировать крики чёрно-волосой девушки.

Это было похоже на игру. Игру, правила которой не понимала тринадцатилетняя Мира, но честно отвечала, поглядывая за спину врача и принимая такое положение дел. Ей было не сложно: они с Диной были родственными душами, понимали друг друга с полуслова, и легко считывали эмоции.

В палатах не было ни ручки ни замка на двери по правилам безопасности, поэтому медицинский персонал носил с собой специальный крюк, с помощью которого они могли запереть и отпереть любую дверь. Иногда Мирослава видела, как ночью после приёма таблеток и необходимых уколов дверь их палаты медленно открывается, и тогда Афанасий Григорьевич куда-то уводит Дину. Около двери кареглазая девушка всегда разворачивалась, шептала, чтобы та спокойно спала, что она скоро вернётся и не надо волноваться. Тогда Мирослава укутывалась в одеяло, накрывала свою голову подушкой, пыталась как можно крепче зажмурить глаза, и быстро уснуть, поддавшись действию таблеток, пока не начинались посторонние звуки, мешающие спать.

Дина никогда не говорила об этом, отнекиваясь на заданные вопросы. Опять же, ночные приходы врача превратились в привычную обыденность-рутину, и Мирослава перестала спрашивать. Больше количество времени они спали или находились в коматозном состоянии от количества препаратов, плавающих у них по венам. Тогда они исследовали глаза друг друга бессловесно, да они и не были им нужны.

Таких дней становилось всё больше. Они могли проспять практически целые сутки, витая в мутном, туманном эфире. В какой-то момент им обоим поставили назогастральный зонд, поставив жидкую смесь энтерально – едой это назвать язык не поворачивается – то есть через

мягкую силиконовую трубку с отверстиями на конце, которая проходит через нос, пищевод и попадает в желудок. Афанасий Григорьевич всё также приходил после отбоя, даже чаще.

А потом это всё резко прекратилось. Кажется, Афанасий Григорьевич уволился. Из того, что говорили медсёстры, в один ничем не отличающийся от других понедельников понедельник он просто не пришел. Когда открыли его кабинет, нигде не было его вещей, а на столе лежало заявление об увольнении. На его место пришла свежая, только после ординатуры, милая молодая врач. Мирославе перестали давать огромное количество таблеток, уколов и процедур, постепенно появилась энергия, отряхнулось от мутного тумана сознание, и она начала больше бодрствовать и двигаться. Хотя поначалу было невероятно тяжело передвигаться на атрофированных мышцах, но со временем ей удалось вернуться в свою прежнюю физическую форму. Дине не становилось лучше, она всё также неподвижно лежала, не просыпаясь. Одна капельница сменялась другой, аппараты меняли своё положение, но Дина так и лежала с мутными широко раскрытыми глазами. Однажды утром Мирослава проснулась и как всегда захотела посмотреть на подругу, убедиться, что её грудная клетка всё ещё медленно, но ритмично поднимается. Но Дины уже там не было. Она провела взглядом по абсолютно выглаженному постельному белью, заглянула под пустующий матрас, под больничную койку – никого. В тот же день Мирославу выписали, так ничего и не сказав про Дину.

Глава 7.

– «Разрушить мир —это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить меня.»

– Виктор Франкл? – отстранёно предположила девушка.

– Эрих Фромм, – врач покачал головой.

Замолчав на некоторое время, Даниил Александрович внимательно всматривался в лицо Мирославы, напряжённо изучая мимику и иногда цепляя взглядом трещинки на обветренных губах.

– И это всё, что ты помнишь?

– Кажется, да, – ответила она, немного потрясённая. Живые воспоминания всё ещё пронеслись перед усталыми глазами.

– И это первый раз, когда тебе поставили диагноз «параноидальная шизофрения»?

– Да, хотя первые звоночки появились до этого, но бабушка их либо списывала на переходный возраст, посттравматическое стрессовое расстройство. Кому хочется верить, что и у покойного мужа, дочери и внучки эта пакостная болезнь?

– В карте не указано, что дедушку также диагностировали.

– Потому что официально этот диагноз нигде не фигурировал, он был военным.

– Как он умер? – они снова закурили и пошли дальше, обходя здание.

– Подробностей не знаю. В документах: умер во время службы, в действительности – никто не знает. Бабушке было тридцать лет, а ему сорок один.

– Каким он был?

– По словам бабушки, он не был простым человеком. Когда начались первые симптомы, к врачам пойти не мог из-за службы —сразу же бы выгнали. Мама говорила, он был чрезвычайно жёстким человеком, не спускал с рук ничего, но никогда не поднимал руку. Я полагаю, строгость и некоторое безумие идёт в пакете с мундиром.

– Какие симптомы?

– Беспорядочное мышление, говорил слишком быстро, то останавливался в середине мысли и при этом использовал несуществующие слова. Это появилось примерно за полгода до его смерти. Я бы хотела познакомиться с ним.

– Если тебя это утешит, то можно сказать, что вы знакомы.

– В каком плане?

– Рассуждая в рамках биологии и физиологии, формирование яйцеклеток происходит в эмбриональном периоде. Когда твоя бабушка была беременна твоей мамой, в теле развивающегося плода, то есть твоей мамы, уже начали формироваться яйцеклетки, одна из которых в будущем стала тобой. Говоря о цифрах, к двадцатой неделе беременности плод женского пола уже имеет около шести-семи миллионов первичных ооцитов. К моменту рождения остаётся около одного-двух миллионов, а к началу полового созревания – около трёхсот-пятист тысяч.

– Вау.

– Как видишь, большинство – погибает естественным путём, а оставшиеся останавливаются в стадии первичного мейоза и остаются «спящими» до момента овуляции или своей гибели. В течении менструального цикла только одна яйцеклетка, иногда больше, созревает и выходит из яичника.

– Вау.

– Так что грубо говоря, ты существуешь в этом мире далеко не двадцать три года. Твоё «существование» как клетки началось задолго до твоего рождения. Примерно на двадцатой неделе беременности твоей бабушки у твоей матери сформировались все её яйцеклетки, вклю-

чая ту самую, что впоследствии встретится со сперматозоидом твоего отца и превратится в тебя.

– Странно... но это звучит романтично.

– Да. в таком описании переплетается наука и поэзия жизни. Эти маленькие клетки ждали своего часа, путешествовали сквозь поколения. В конечном итоге, одна из первоначально шести-семи миллионов яйцеклеток сумела проделать весь этот путь и стать тобой. Вдохновляет, не так ли?

Далее они несколько минут шли в успокаивающем, окутывающем молчании, пока Даниил Александрович не прервал тишину очередным вопросом:

– Голоса обвиняли тебя в грехах человечества. От чего именно голоса принуждали тебя очиститься?

– От уныния? Печали? Гнева? – неуверенно ответила девушка.

– Ты спрашиваешь или утверждаешь?

– Скорее, второе.

– Ты не задумывалась, почему эти голоса приняли такую форму?

– Самокопанием не увлекаюсь, – мягко ответила она, неловко улыбнувшись.

– Давай по-другому. Ты горевала после смерти матери и сердилась на план божий?

– Я никогда не верила в Бога, и думаю, всегда думала, что мир хаотичен. Я не верю, что судьба предначертана. Но да, конечно, я горевала. И всё ещё скорблю.

– Тогда кто виноват в смерти матери? Болезнь? Сама мать?

– Никто. Просто так случилось.

– Ты сама веришь в это?

– Что вы имеете в виду, Даниил Александрович?

– Ты хочешь мне сказать, что ты, первоклассница, просто приняла суицид матери, никого не обвиняя? Просто приняв это за данность?

Мирослава промолчала.

– Сколько тебе было лет, когда она покончила с собой, повесившись?

– Примерно шесть с половиной.

– И ребёнок в шесть с половиной лет может просто принять смерть родителя и спокойно существовать себе?

– Что вы хотите сказать?

Они снова остановились, упрямо смотря друг на друга.

– Человеческий разум устроен так, что он стремится к пониманию мира через причинно-следственные связи. Это не просто механизм выживания – мой соплеменник съел этот красный гриб и откинулся, значит гриб отравлен, и я не должен его есть. Это фундаментальная потребность найти порядок в хаосе. Люди ищут причину, чтобы обрести контроль над ситуацией, объяснить происходящее – если я знаю почему это произошло, значит я могу контролировать это и снижаю тревогу над неизвестностью.

Люди всегда пытались понять, как работает мир. В доисторические времена дикари объясняли гром яростью бога, дождь – милостью, засушливые дни – гневом. И соблюдали ритуалы, жертвоприношения, чтобы задобрить богов, как-то повлиять на погоду. В средневековые эпидемию чумы люди объясняли колдовством. Это были осмысленные попытки найти объяснение бедствиям и предотвратить их. Потому что если есть причина, то можно найти способ бороться с ними – молиться, бить в бубен, резать жертвенную козу на рассвете, сжигать ведьм, тем самым получая иллюзию контроля.

Но знаешь, что ты сделала? Ты подсознательно обвинила себя. Когда тебе было пять лет, ты убедила себя, что из-за того, что ты захотела ещё покататься на горке, провести время с отцом, вы не пришли во время к обеду, и поэтому мать попыталась перерезать вены. Её первая

– Ещё.

– Я не виновата!

– Хорошая девочка, – сказал Даниил Александрович, вытирая подушечкой большого пальца разводы со щеки Мирославы. – Думаю, на сегодня хватит откровений, пошли, проведу тебя до дома.

Психотерапевт и пациентка в полной тишине направились плечом к плечу по направлению к её дому, не обмениваясь даже редкими взглядами.

Каждый усиленно обдумывал произошедшее. Мирослава впервые за очень долгое время думала о себе, рассуждала сколько времени она потратила на подсознательное самобичевание и как это повлияло на принятые решения, кем она является без непосильного груза вины, чего она вообще хочет, что делает её счастливой, потому что, получается, она заслуживает быть таковой.

Сосредоточенное лицо Даниила Александровича не выражало абсолютно никаких эмоций. Часто по рукам, жестам можно определить состояние человека, но врач спрятал ладони в карманы тёплого пальто. Можно было только предположить, что врач разбирал по кирпичикам только что услышанное, детально продумывал дальнейший план лечения.

Бесчувственные прохожие проносились рядом, даже не удостоив взглядом странную парочку – собранный, уверенный, высокий мужчина, и рядом движется, как будто плывёт, сутулая, обессиленная фигура молодой девушки.

Врач молча провёл её до самой двери её квартиры, напоследок только бросив знакомое: «До свидания, Мирослава», и не дождавшись ответа измождённой, разбитой насыщенным вечером девушки, развернулся и ушёл.

Студентка, стараясь не разбудить бабушку в столь позднее время, ведь часы уже пробили полтретьего ночи, только тихонько сняла верхнюю одежду и ботинки, и прямо в штанах и свитере, отпуская последние ниточки сознания, упала на кровать. Хотя это грубо сказано, скорее на раскладке советский диван, который уже много лет выполнял её функцию.

Глава 8.

Вторник, 9 декабря

Мирослава неподвижно пролежала в объятиях Морфея целых шестнадцать часов после того пронизывающего разговора. Между прочим, пропустила довольно важные пары в университете и опоздала на работу. Честно сказать, она могла даже и не приходить, потому что толку от её работы практически не было.

Девушка была абсолютно несобранная, всё валилось из рук, размышления направлялись совершенно не в нужное для выполнения рабочих обязанностей русло; мысли путались, перебивались с обжигающего шёпота и объятий Даниила Александровича на болезненные воспоминания тревожного детства. Потом разум обязательно возвращался к Первому Сентября: она действительно была в сарафанчике с ленточками в косичке, как и каждая вторая девочка тогда, и переходил к попытке поджога, Дине и мерзкому Афанасию Григорьевичу. Триумфом полёта мысли всегда становилось живое воспоминание, как Даниил твёрдо прижимал её к своей широкой груди, нежно гладил по голове и вытирал слёзы горячей рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.